

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Известный ювелир Картье изготовил две практически одинаковые золотые подвески в форме ласточек. Только у одной синий глаз, у второй – желтый. И судьба у них разная: даже спустя годы одна ласточка приносит удачу, вторая – беду...

Екатерина ЛЕСИНА

Золотые ласточки Картье



Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина

Золотые ласточки Картье

«ЭКСМО»

2014

Лесина Е.

Золотые ласточки Картье / Е. Лесина — «Эксмо»,
2014 — (Артефакт & Детектив)

Две подвески-ласточки были сделаны мастерами Картье для дочерей Михайло Добронравова. Вот только одна принесла удачу, а другая – гибель. Сгорели купеческие миллионы в пламени революции, однако ласточки остались, так и переходят из рук в руки, одних одаривая за любовь, других наказывая за жадность... Золотая подвеска досталась Софье от матери, но в чудеса она не верит. И на виллу «Белый конь» отправляется вовсе не за любовью, а в попытке хоть как-то изменить жизнь. Перемены не заставили себя ждать. Софья против воли попала в криминальную историю. Свидетели убийства, произошедшего много лет назад, собрались под одной крышей, чтобы выяснить, кто же все-таки виноват. Что связывает Софью с погибшей Анной? Ничего, помимо дальнего родства и второй ласточки, оказавшейся в руках хозяина виллы...

© Лесина Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1904 г., Петербург	15
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Екатерина Лесина

Золотые ласточки Картье

© Лесина Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Человек вытащил альбом из стола, притом что стол этот был самым обыкновенным, разве что старым. Лак его потускнел, покрылся трещинами, столешницу украшали весьма характерные круглые пятна, которые остаются от горячих кружек, а слева виднелась выцарапанная надпись: «Васька – дурак».

Человек надпись погладил, читая ее кончиками пальцев, и закрыл альбом. Тоже старый, тяжелый, в переплете из искусственной кожи. И пахнет от альбома пылью. Запах этот человека будоражит, заставляя вспоминать...

Вспоминать он любил.

Сладко заняло сердце.

Человек открыл альбом, задержавшись на первой фотографии. Общая. Курс, кажется, еще второй... или уже третий? Нет, на обороте год написан, и значит, все-таки второй. Надо же, какие все... молодые. Вглядываясь в лица однокурсников, человек улыбался сам себе. Так и не поняли.

Никто не понял.

Не заподозрили даже... глупые-глупые люди... друзья и подружки... подружки и друзья... как же его они раздражали... Интересно будет взглянуть на них, на тех, кем они стали. В социальные сети он заглядывал, просто поддерживая маску, но там – все лгут.

И здесь лгут.

У людей есть право на эту ложь, ведь он и сам притворяется. А потому человек перевернул страницу. Первая фотография... Первое убийство... Тогда все получилось случайно, человек не знал, что убийство способно доставлять такую радость. Тогда он совсем не умел радоваться...

– Здравствуй, – сказал он женщине, которая давным-давно жила лишь в его памяти. – Я скучал по тебе, – сказал человек, солгав, но мертвые не способны различать ложь.

Мертвые вообще ни на что не способны.

Ее нашли, а он потом долго трясся, что найдут и его. И этот страх, который потускнел через месяц-другой, тоже был частью игры.

Человек перевернул страницу. Еще одна. Мертвой она была лучше. Правдивей. Ушла красота, осталась пустая человеческая оболочка... Женщина-бабочка вновь стала женщиной-гусеницей. Он завернул тело в простыню, белый кокон, мертвый кокон, из которого никто не вылупится... и пускай...

Он закрыл глаза и откинулся, пристроив голову на спинку кресла. В полудреме, в полусне он вновь и вновь переживал сладкий момент чужой смерти.

Он видел страх в чужих глазах. Отчаяние. Ощущал, как бьется под ним тяжелое сильное тело, не способное вырваться. И слышал хрип. И видел, как глаза тускнеют, теряя жизнь. Каплю за каплей.

Он и сам задышался вместе с жертвой и, задохнувшись, заново учился дышать. С каждым вдохом мир обретал новые краски. А он сам, едва ли не с детства лишенный этой способности – чувствовать, – обретал ее.

Ненадолго.

Сначала хватало на год... потом окружающий мир вновь тускнел. Краски выцветали. Звуки гасли. Все менялось, возвращая его в тот момент, когда...

– Скоро, – пообещал он сам себе, перелистывая страницу за страницей.

И памяти, запертой в лицах – их, в отличие от его первой-второй, никогда не найдут, – хватало, чтобы мир ожил. Неделю? Две? Пускай...

Неделя или две... А там состоится глупая встреча.

Васька – дурак.

Точно дурак, тогда ничего не понял и сейчас... Человек замер, пораженный очевидной простотой догадки. Конечно! Он должен изменить правила игры. Немного. Ровно настолько, чтобы охота стала интересней. Для начала следовало узнать, кого еще Васька пригласил.

– Васька – дурак, – сильным голосом произнес он, закрывая альбом.

Голуби на крыше отозвались воркованием. Глупые птицы.

Идея с самого начала была глупой. Но разве Ляльку переубедишь?

– Много ты понимаешь! – воскликнула она, наматывая светлую пряжку на бигуди. Бигуди были крупными, разноцветными и мягкими, а пряжки, напротив, жесткими, и это обстоятельство Ляльку премного огорчало. – Сваха – это модно! И надежно!

– Чем надежно? – внутренне Софья уже смирилась с тем, что придется к этой самой свахе обращаться, поскольку с детства Ляльке ни в чем отказать не могла. Нет, она, конечно, пыталась, но Лялька от этих попыток отмахивалась легко, привычно приводя аргументы, доказывавшие полную Софью несостоятельность в столь важном деле, как поиски мужа.

– Всем! Помогите, – Лялька повернулась спиной, – ровно крути. Снизу вверх... На Руси сватовством издревле занимались специально обученные женщины. Считай, это исторически сложившаяся традиция, которая была разрушена.

– Кем?

– Коммунистами, естественно. Сонька, не тупи.

Сонька не тупила, но пыталась совладать с бигудями и Лялькиными волосами.

– Но это неважно, главное, что мужик нынче робкий пошел, боязливый. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Софья верила, как-никак у Ляльки четырежды случались отношения, которые она с гордостью именовала серьезными, а однажды дело едва до свадьбы не дошло. Может, и дошло бы, когда бы Лялька не совершила стратегическую ошибку, вернувшись из командировки на сутки раньше и без предупреждения. Почти-уже-супруг сюрпризу не обрадовался, а его новая приятельница и вовсе пришла в расстройство.

– Посмотри, кто на форумах сидит? Разведенные, озабоченные или маменькины сынки...

Софья вздохнула.

Не то чтобы ей так уж хотелось замуж, но с личной жизнью определенно не ладилось, здесь Лялька была всецело права... разведенные, озабоченные или маменькины сынки...

Хорошо сказано.

Вот Матвей Игоревич, начальник Софьи, он из разведенных, в третий раз, к слову, и сам шутит, что развод – это тоже своего рода традиция. Петька из соседнего отдела – определенно озабоченный, не способный пропустить мимо ни одной юбки, пусть бы и носит эту юбку Ангелина Витольдовна, дама предпенсионного возраста, глубоко счастливая в браке и собственных ста двадцати килограммах веса. А вот Витюша, Софьин единственный подчиненный, – он явно из породы маменькиных сынков. И маменька его на работу провожает, сама несет пакет с судочками, в которых остывает домашняя еда, звонит семь раз на дню, напоминая, что Витюше надо покушать, выпить минералочки и витаминчики принять...

Тряхнув головой, Софья снова занялась бигудями.

Ну их всех... От работы отдохнуть надобно, тем более что у Софьи – отпуск законный и провести его надобно с пользой. Вот только у Ляльки на это имелись собственные планы.

– У нее замечательные отзывы! Десятки благодарных клиентов! Да половина из тех, кто к ней обращается, в течение полугода замуж выходят!

– А вторая половина? – поинтересовалась Софья, вытирая руки полотенцем.

– Что вторая? А... вечно ты занудничаешь. И вторая выходит, но чуть попозже, – Лялька повернулась к зеркалу, оценивая работу. – И вообще, Сонька, хватит уже киснуть... Ну что мы с тобой теряем?

Ничего.

Софья послушно кивнула: Ляльке она уступала с детства. Она чудесно помнила первую встречу. Новый дом, новая квартира, пугающе огромная, на целых четыре комнаты. Запах бумаги и краски, рулоны с обоями, которые у мамы получилось достать по большому благу. Сияющий белизной унитаз. И не менее сияющий, но куда более внушительный рукомойник...

– Иди, дорогая, погуляй, – мама выставила Софью за дверь, всучив два бутерброда с маслом.

Переезд проходил одновременно с ремонтом, что прибавляло маме забот, а Софья мешалась под ногами. Она была спокойным ребенком, но мало ли... и вообще, пусть во двор идет, погода-то хорошая. Софья и вышла. Села на лавочку, не зная, как быть дальше.

– С маслом? – деловито поинтересовалась рыжеволосая девчонка, указав на бутерброд.

– Ага. Хочешь?

Софья разодрала слипшиеся куски батона и протянула один девчонке. Та взяла, но спасибо, как положено воспитанной девочке, не сказала.

– А я знаю. Ты из тридцатой квартиры! – девчонка села рядом.

Она ела и говорила с набитым ртом, облизывала пальцы, несмотря на то, что пальцы эти были не очень чистыми. Руки вытирала о колготы, красные, с зелеными квадратными латками на коленях. Юбка на девчонке была желтой, а кофта – васильковой. Рыжие косички торчали в разные стороны, перехваченные черными резиночками.

– Ага, – ответила Софья, не зная, что еще сказать.

– Меня Лялькой звать.

– Софья.

– Я тут давно живу, – она махнула в сторону дома. – Вот как выродилась, так и живу. Я тут все знаю! Хочешь, покажу тебе кошку? У нее котята! Маленькие совсем! Она их в подвале прячет...

В подвал соваться было нельзя, но посмотреть на котят очень хотелось, и Софья, оглянувшись на дом, решила, что если она быстренько сходит, глянет одним глазочком, то ничего страшного не произойдет. Она вернется...

...Тогда еще Софья не знала, что с Лялькой подобное невозможно.

Из подвала их извлекли поздним вечером. Мама причитала, папа взялся за ремень... но потом, уже в кровати, Софья про себя решила, что прогулка того стоила. В конце концов, она и вправду видела котят, троих рыжих, а одного – угольно-черного... вдруг да родители разрешат его взять?

Если очень-очень попросить...

...Не разрешили, потому что квартира новая, ремонт и обои дефицитные, и вообще в доме не должно кошатиной пахнуть.

– Чушь, – сказала Лялькина мама, ставя очередную латку – у Ляльки вечно одежда рвалась на коленях и локтях, как будто бы эти колени и локти были неоправданно остры. – В доме должно пахнуть живым...

...Например, пирогами. Или булками. Или кашей гречневой, невероятно вкусной, потому как Лялькина мама гречневую крупу на сале обжаривала, а потом уже варила.

Она разливала чай в глиняные кружки, разрисованные Лялькой, и чай оттого становился вкусней.

– Не надо бояться жить, – говорила она. И Ляльку никогда не ругала, даже тогда, когда Лялька в новом, только-только купленном платье полезла лягушек ловить... – А то ведь жизнь пройдет, и что тогда?

Софья сама стала бояться, что да, пройдет и... Но, наверное, она была изначально другой. Боязливой.

И родители Лялькину маму не одобряли.

Разведенка. И продавщица в местном гастрономе. Что с нее взять-то? Софье надлежало дружить с детьми людей приличных, но с ними было невыносимо скучно, и Софья снова и снова нарушала запрет и попадала с Лялькой в очередную историю.

– Мы ведь не нарочно, – сказала как-то Лялька, когда Софьин отец, не выдержав, за ремень взялся. – Нам просто интересно!

Время шло.

Одни связи рвались, другие – становились прочней. Лялька поступила в театральный, на что Софьины родители лишь головой покачали, мол, актриса – это не профессия... Благо сама Софья родительские надежды оправдала, выбрав себе стезю экономиста...

Была учеба.

И был выпускной, к которому родители приобрели подержанную иномарку.

На ней они и разбились. Потом сказали, отец с управлением не справился: сердце остановилось. У него сердце пошаливало, а он терпел, боясь показаться слабым. И дотерпелся.

Софья все никак не могла понять, как это может быть. Вот он утром собирается на дачу, а «Москвич» опять не заводится. Его давно надо на металлолом сдать, но разве отец послушается? Он к машине привязан и пытается доказать, что поломка – ерундовая, а мама торопится.

И Софья предлагает свой «Форд», потому как выходной, и она все равно никуда не поедет. На дачу надо бы, но она обещала Ляльке, что поможет ей... Мать ворчит, и отец тоже ворчит, потому как семья – она важнее подруг, но сумки грузятся в багажник, мать садится на переднее сиденье и долго возится с ремнем безопасности.

Требует, чтобы вечером Софья непременно позвонила. И чтобы не вздумала на дискотеку пойти. Маме невдомек, что Софье уже двадцать четыре и для дискотек она старовата...

Она так и не позвонила. Позвонили ей...

И хорошо, что Лялька была рядом. Без Ляльки Софья, наверное, сошла бы с ума. Она плохо помнила и похороны, и первые дни после них. Пустота квартиры давила. И Софья переходила из комнаты в комнату... Мамин халат и ее же тапочки. Папина большая кружка. Он пил чай только из нее... Газета, забытая на подоконнике. Очки. И томик Пушкина с банкнотой вместо закладки.

Наверное, она, Софья, не умела жить одна. И впала бы в депрессию... или без «бы», потому что то время – череда дней, где каждый новый повторял предыдущий. Софья заполняла их вымышленными ритуалами и работой. Тогда она очень много работала, и начальник, пребывавший в стадии очередного развода, неожиданно это оценил повышением.

– Тебе нужно сделать ремонт, – заявила Лялька, которая появлялась часто.

– Зачем?

– Затем, что твоя квартира теперь на мавзолей походит. И еще затем, что ремонт отвлекает от дурных мыслей. Поверь мне.

Софья поверила.

Деньги имелись: ей неплохо платили, а тратить она не умела совершенно, обходясь малым. Да и от родителей остался счет в банке. Ремонт, как и предрекала Лялька, захватил, закружил Софью, обеспечив ее ворохом мелких и крупных проблем, среди которых места горю почти не осталось.

Ремонт закончился.

Горе осталось за чертой. Софья не то чтобы смирилась с одиночеством, скорее приспособилась к нему. А теперь Лялька заговорила о замужестве.

– Сонька, ну сама подумай, – она взяла Софью за руку, – ну когда еще тебе такой шанс выпадет? Тебе и делать-то ничего не надо!

Это и было подозрительно, но...

Сонька со вздохом протянула оставшиеся бигуди.

– Хорошо.

– Ты чудо! – взвизгнула Лялька. – Значит, завтра идем, да?

Идем. Чего уж теперь.

Современная сваха обреталась в центре города, в двенадцатиэтажном, только года два как выстроенном доме, о котором говорили, что будто бы квартиры в нем стоили немереных денег. Слухам Софья не верила, да и не выглядел дом элитным.

Обыкновенный.

И в лифте кто-то успел накорябать матерное слово.

– Ты оделась, как бухгалтерша, – прошипела Лялька, глядя, как на электронном табло сменяются этажи.

– Я и есть бухгалтерша.

Лялька фыркнула. Сама она выбрала бирюзовое платье с пышной юбкой, браслеты нацепила, которые больше кандалы напоминают, и цепочку тяжелую, позолоченную, толщиной с Софьюину руку... волосы взбила, губы накрасила.

Яркая.

Рядом с ней Софья теряет, но огорчения по этому поводу не испытывает. Привыкла. Да и, признаться, удобно ей в тени. Спокойно.

– Все равно я тебя из этой скорлупы вытряхну, – пообещала Лялька, когда лифт остановился на двенадцатом этаже.

Софья кивнула: вытащит.

Неприменно.

Когда-нибудь, но, по возможности, не скоро, потому что на скорые перемены в собственной жизни она не согласна. Она вообще перемены воспринимает плохо.

На лестничной площадке алым пламенем цвела китайская роза. И Софья, в целом к цветам равнодушная, залюбовалась.

– Энергетика хорошая, – сказала Лялька, окончательно успокаиваясь. Актрисы из нее не вышло, как и предрекали Софьюины родители, а вот дизайнер по интерьерам получился успешный.

Их ждали. Дверь открыла сухонькая женщина в синем глухом платье в пол. Окинув Ляльку неприязненным взглядом, она сказала:

– Проходите.

И бахилы выдала.

В квартире пахло ванилью, очень сильно, и от запаха этого у Софьи закружилась голова. Или не от запаха, но... розовые стены с серебряными голубками. Массивная, какая-то излишне вычурная мебель, которой было слишком много, и фотографии в рамочках.

Невеста и жених. Жених и невеста... десятки невест и десятки женихов.

– Благодарные клиенты, – пояснила женщина, глядя исключительно на Софью. – Регина Васильевна многим помогла устроить личную жизнь.

Невесты были красивыми и не слишком. Худыми. Полными. Высокими и низкими. Блондинками, брюнетками, рыжими, но, странное дело, в белых платьях они смотрелись одинаковыми, будто надевшими униформу.

– Входите, – велела женщина, остановившись перед массивной дубовой дверью.
И Софья шагнула.

Лялька собралась было следом, но была остановлена:

– Регина Васильевна с каждым беседует индивидуально.

Комната, против ожиданий, оказалась невелика. Никаких голубков, розовых обоев и чужих свадебных фотографий. Скупая, если не сказать бедная, обстановка.

Стол. Два кресла. Компьютер.

И герань на подоконнике. Женщина в деловом костюме эту герань поливала из желтой пластиковой леечки.

– Проходите, – не оборачиваясь, произнесла она. – Присаживайтесь. Я сейчас... а то вечно о ней забываю, а растение сохнет. Это не очень честно по отношению к нему.

Современная сваха на сваху вовсе не походила.

Слишком... аккуратная? Нет, скорее глянцева. Софья оценила и костюм, и неброские, но явно недешевые часики на запястье, и кулон-капельку с темной жемчужиной...

– Вы ожидали иного? – спросила Регина Васильевна, усаживаясь за стол.

– Да. Нет. Не знаю, – Софья вдруг растерялась.

Что она здесь делает?

В кабинете? В квартире этой? Неужели и вправду надеется, что однажды коллекцию снимков Регины Васильевны пополнит и ее, Софьи, свадебная фотография? Ерунда какая...

– Понимаете, – Софья почувствовала, что краснеет. Такое с ней случалось при волнении, но волнении сильном, для которого сейчас не было ни малейших причин. – Я... я вовсе не хочу выходить замуж.

– Совсем?

У нее было приятное лицо, округлое, с мягкими чертами, пожалуй, несколько полноватое, но это Регину Васильевну нисколько не портило.

– Не то чтобы совсем... Наверное, если глобально, то хочу, но вот не прямо сейчас и не за первого встречного... и вообще, меня Лялька подбила... Она думает, что я слишком спокойно живу... Даже не так, не спокойно – уныло...

А глаза у свахи темно-карие, почти черные, но все равно – теплые. И глядя в них, Софья вдруг испытала непреодолимое желание все рассказать.

О себе. О квартире, которая после ремонта изменилась, но не вычеркнула воспоминаний, ведь она, Софья, распрекрасно знает, какой эта квартира была в прежней жизни. О родителях. О работе, занимающей почти все время, и это к лучшему, потому как, когда время вдруг становилось свободно от работы, Софья не знала, чем себя занять.

Но это еще не повод замуж выходить, верно?

Она вдруг запнулась, осознав, что только что выложила едва ли не все о себе женщине, совершенно незнакомой.

– Выпейте, – Регина Васильевна протянула стакан. – Я рада, что вы решили обратиться ко мне...

А вот Софья рада не была. Она словно очнулась от наведенного сна и теперь не знала, как ей быть: сделать ли вид, будто бы ничего страшного не произошло? Или же подыскать предлог и уйти? Или просто уйти, без предлога...

Пока думала, пила теплую минералку с едким хлористым запахом. Пузырьки газа щекотали нёбо, отчего хотелось не то чихать, не то плакать.

– Ваша подруга права в том, что вам действительно следует... несколько изменить жизнь. Хотя бы на время. Вы, Софья, уж не обижайтесь на меня, я всегда говорю, что думаю. Вы прячетесь от мира. Вы его боитесь. Уж не знаю, из-за смерти родителей ли, или она стала для вас подходящим предлогом, но подумайте сами, что вас ждет?

Работа.

И снова работа. Много-много дней работы, и редкие выходные, которые Софья посвящает уборке. Иногда она выбирается на дачу, но и только. Если прежде подобная предопределенность не только не пугала, но даже внушала некоторое успокоение – стабильность в жизни очень важна, – то теперь вдруг Софья едва не взвыла, представив, как оно все будет.

Кошку, что ли, завести?

Или и вправду мужа?

– Люди, которые приходят ко мне, – продолжила Регина Васильевна, – часто думают, что я мановением руки разрешу все их проблемы. Так не бывает. Собственные проблемы, за редким исключением, человек должен решить сам. Иначе проблема вернется, не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра.

– Вы выдаете людей замуж.

– Нет. Я лишь показываю, что они могут стать счастливыми. Это довольно сложно объяснить... – Регина Васильевна провернула золотой ободок обручального кольца. – Почему-то большинство людей органически не способны чувствовать себя счастливыми. Здесь и сейчас. Нет, они изобретают некие условия... К примеру, говорят, вот отправлюсь на отдых в Турцию, и тогда... или – куплю себе шубу, и тогда...

– Выйду замуж...

– Одно из наиболее распространенных заблуждений. Наше общество изначально настраивает женщину на то, что вне брака она не может быть счастлива. И мужчина, неважно какой, алкоголик, тунеядец, скрытый садист, становится залогом этого самого внутреннего счастья. Своего рода синей птицей, которую женщина должна окольцевать, иначе – страшно подумать – она не состоится в жизни.

Странный разговор. Разве не должна сваха убеждать в обратном?

– Я семейный психолог, – призналась Регина Васильевна. – И сваха... Помимо того, что люди не умеют быть счастливы, они не способны говорить о том, почему несчастны. Ко мне приходят женщины, требуя немедленно найти им мужа. У них уже все готово, продумано, список гостей составлен, ресторан выбран, заветное платье ждет своего часа. Не хватает только супруга.

– Зачем вы мне это говорите? Я и без мужа...

– Несчастливы.

– А с ним счастливой стану?

– Это зависит от вас, – Регина Васильевна поворачивала кольцо. – Вам нужно радикально изменить жизнь. Ненадолго. Недели на две, на три, чтобы выпасть из привычной колеи. Это даст возможность взглянуть на себя со стороны. Определить, чего именно вы хотите.

– Чего? Наверное, того же, что и все: быть счастливой. Разве сложно?

– Просто, Софья. На самом деле в этом нет ничего... сверхъестественного. Когда в последний раз вы гуляли босиком по траве? Или просто сидели, наслаждаясь солнечным днем? Или, напротив, дождь за окном, а у вас кружка чая и плед теплый? Когда вы радовались зиме? Или весне? Или тому, что случайный прохожий вам улыбнулся? Вы заперлись в своем несчастье и сами себе мешаете жить.

– И что вы предлагаете?

– Взять отпуск.

– Уже.

– Замечательно, – Регина Васильевна открыла ноутбук. – В таком случае предлагаю вам провести две недели на вилле «Белый конь». Участвовать в смотрах...

– Что?

– Я все-таки сваха, – она улыбнулась. – На самом деле это мероприятие... своеобразное. Но думаю, вас оно встряхнет. Несколько мужчин и женщин. Никаких взаимных обязательств,

кроме одного – две недели вы должны прожить на вилле. Считайте, что поехали в санаторий... Вы бывали в санаториях?

– Давно... мама возила на минеральные воды.

– Вот что-то вроде того. Гарантирую, что все мои клиенты – люди порядочные, быть может, с несколько неудавшейся личной жизнью, но и только.

Софья молчала. Поехать?

Вилла «Белый конь». Ерунда какая... Она не собирается тратить время впустую...

А как тогда собирается? Вопрос читался в глазах Регины Васильевны, и Софья поняла, что соврать не сможет. Она занята? Если бы...

– И... сколько это будет стоить?

Остался шанс, что цена за личное счастье окажется неподъемной, но Регина Васильевна ответила:

– Нисколько. Дело в том, что хозяин виллы – мой клиент. И он очень хочет найти себе жену.

Холостой и богатый? Заманчиво, но... Софья собирается отдохнуть, а не замуж. С замужем она пока погодит.

– И скажи, это чего ради ты весь этот цирк затеял? – Стас остановился возле кресла, слишком низкого с виду, чтобы быть удобным.

– Не злись, – примирительно произнес Василий. – Будет весело.

– Просто обхохочешься, до чего весело.

– Ай, что ты в настоящем веселье понимаешь? – Василий сел, правда, не в кресло, которых сам избегал ввиду их исключительной коварной мягкости, а на пол. – Представь, как оно будет...

– Погано.

– Чудесно. Съедутся все, собственными глазами увидят, кем я стал...

– И удавятся от зависти. Тебе это надо?

– А если не только это? – из Васькиного голоса исчезло веселье. – Если мне нужно, чтобы мне позавидовали, не все, а именно эти вот люди? Регина утверждает, что я не могу быть счастливым, пока не разберусь с собственным прошлым. А я не разберусь один!

– Шантажист.

– Какой уж есть, – Василий сел по-турецки и руки положил на колени, к слову сказать, голые.

В доме, несмотря на кондиционер, было жарко. Василий одевался по-пляжному. Сейчас на нем была желто-сине-зеленая гавайка и шорты-бермуды. На ногах – резиновые шлепанцы. На шее – цепь, которая выглядела слишком тяжелой и большой, чтобы быть настоящей.

– Так ты поможешь?

– Куда я денусь, – буркнул Стас, все же присаживаясь. – Значит, Машка будет...

– Первым номером, – Василий осклабился. – И Толика я пригласил... Через Регину, конечно... То-то же они удивятся этакому совпадению.

Да уж, удивятся, но вряд ли обрадуются. Это не парой вежливых фраз в «Одноклассниках» перекинуться, играя во взрослые отношения, притворяясь, что будто бы, несмотря на развод и истрепанные вконец нервы, все у нас хорошо.

– Кто еще?

Василий улыбался.

Он всегда улыбался, даже когда было совсем хреново. И, наверное, этот его оптимизм, порою вымученный, натужный, и удерживал Стаса на краю.

Край случался часто.

...Новорожденная фирма и работа от рассвета до заката, а потом и наоборот, от заката до рассвета... За работой летят дни и месяцы, а ничего-то не меняется, только усталость приходит. И кажется, что если Стас упадет, то уже не встанет, издохнет, как загнанная лошадь.

Он почти готов упасть, но Васька говорит:

– погоди, еще неделька, и заживем с тобой, как белые люди... Я себе панамку куплю и тапочки.

– Тапочки зачем? – усталый разум Стаса требует отдыха.

– А просто так... Должен же я что-то купить за честно заработанные? А пока только на тапочки и хватает.

Купил. И себе, и Стасу, резиновые, фирменные и до жути неудобные, но стало легче.

...И снова работа. И дни летят, и месяцы уже собираются в годы, а фирма не новорожденная, обрастает потихоньку и клиентами, и персоналом, только работы не становится меньше. А Ольга капризничает.

Ольга тоже устала.

Она замужем, а живет одна. И считает копейки от зарплаты до зарплаты, а ведь Стас мог бы не маяться дурыю... Видно же, что у них ничего не получается. Бросать надо. С отцом помириться. Отец подыщет Стасу хорошее местечко, там, где работы мало, а платят много. Ольга ведь молодая.

Ей хочется жить не хуже, чем остальные.

Чтобы если не шубу, то хотя бы пальто новое и сапоги нормальные. И сумочку. Обыкновенные женские желания, и Стас, не способный их исполнить, чувствует себя виноватым.

А Василий твердит свое:

– погоди чуток... Еще немного – и заживем, как белые люди... Купишь своей шубу из каракульчи.

– Почему из каракульчи? – К бессоннице Стас привык, как и к скандалам, которые теперь случались ежедневно, став чем-то обыденным, сродни супружескому долгу...

– Не знаю, – пожал плечами Василий. – Каракульча – это круто.

Василия Ольга возненавидела. Именно он в ее воображении стал тем человеком, который сбил Стаса с пути истинного. И бесполезно было рассказывать, что идея-то как раз принадлежала Стасу...

Шубы Ольга не дождалась.

Поклонник. И букеты.

Она – почти свободная женщина, потому как дома Стас бывает редко. Она просит развода... Поклонник обещает жениться и увезти на отдых, а отдых Ольге нужен. У нее почки. И язва. И нервы истрепаны вконец...

– Оно к лучшему, – сказал Василий. – Мы тебе потом другую жену найдем. Или любовницу. С любовницей – оно удобней, поверь опытному холостяку...

Стас не поверил, но развод дал и из дому ушел.

– У меня перекантуешься, – бодро сказал Василий.

У него – это в коммуналке, где Василий снимал десятиметровую комнату.

– Я себе потом дом куплю, – сказал он в первый вечер, когда Стас пытался улечься на раскладушке, слишком короткой для него.

– Вот увидишь... Виллу, чтоб как в Италии.

Василий вытащил откуда-то из-под кровати картонную коробку, пояснил:

– Тут я храню всякое... ну, для души...

Пара старых фотографий не то родственников, не то людей незнакомых, но Василию чем-то приглянувшихся – Стас никогда-то не мог разобраться в его симпатиях, грошовая пластиковая зажигалка, игрушечная машинка и мятый журнал «Твой дом» с закладкой.

– Вот, – он раскрыл журнал на развороте. – Вот такую виллу построю...

...Девять лет – и построил.

Девять лет – много или мало? Стас не знал, для него эти годы промелькнули быстро, оставив горькое послевкусие и усталость, которую не вытравишь пятидневным туром на Мальдивы. И там, на берегу океана, безбрежного, сине-зеленого, словно из стекла отлитого, он продолжал думать о работе.

Отдыхать разучился.

У Василия с виллой его не ладилось. Нет, он построил точь-в-точь такую, какую видел на картинке, но на российских просторах итальянская беломраморная красавица смотрелась чуждо. И Василий впал в тоску.

– Ты не понимаешь, Стас, – он вдруг перестал улыбаться, и Стас удивился этой перемене.

Постарел друг Василий. Седина в волосах, морщины эти... и вид у него поистаскавшийся, несчастный совершенно.

– Мне это очень нужно... Я ведь не просто так решил вдруг, что наверх надо... Я ведь доказать хотел... Всем им доказать хотел, что Васька Струпинин – тоже человек, а не...

– Я ж согласился.

– Согласился, – Василий кивнул и поскреб левой рукой правую. Руки у него были длинные, мускулистые и волосатые. – Но я хочу, чтоб ты меня понял. Считай, что мне очень важно, чтобы ты меня понял. Иначе не получится.

– Что не получится?

– Ничего, – ответил Василий и, нацепив старую маску, продолжил: – Вторым номером Артемка, пусть посмотрит... Помнишь, как он в универе рассекал весь такой... Просто спасу нет... В рот все глядели, а ты не глядел. И я не глядел. И потому вышло, как оно вышло...

Воспоминания заставляют Василия ерзать.

– Потом Маргоша... и Вероника... еще Павел... Ты Пашку помнишь?

Стас кивнул.

– Ну да... вы ж корешились вроде... ну и еще пара девиц левых, для массовки. Регина говорит, что если я с каждой разберусь, то и жить дальше смогу для себя.

– А сейчас ты для кого живешь?

К Регине, с которой довелось встретиться из-за Васькиной настойчивости, Стас относился скептически. Не верил он ни психологам, ни психотерапевтам, ни тем более профессиональным свахам.

Ольга ушла. И была счастлива в новом своем браке. Во всяком случае, когда в прошлом году встретились, она утверждала, что очень даже счастлива...

...Двое детей.

А Стас, как бирюк, по-прежнему один. Так и живет в коммуналке, которую, правда, выкупил и расселил.

– В общем, – Васька потер руки, – я решил так. Участвуешь?

Идиотская все-таки затея. Две недели собственной жизни можно было бы потратить с куда большей пользой, но Василия, коли уж он чего себе в голову вбил, с пути не своротишь.

– Дурак ты, Васька, – только и сказал Стас.

– Какой уж есть...

1904 г., Петербург

– Ах, папенька, вы только поглядите, до чего прелестно! – воскликнула Оленька, указав на очередную безделушку, каковых на нынешней выставке было с избытком. И она от такого избытка совершеннейшим образом растерялась.

Стрекоза.

Как есть стрекоза, неугомная и безголовая, пусть и прехорошенькая. Последнее обстоятельство донельзя огорчало Надежду, пусть бы и изо всех сил убеждала она себя, что нисколько сестрице не завидует.

– И тут... папенька, вы только гляньте! – восторг Оленьки был столь заразителен, что Михайло Добронравов, в обычной жизни человек строгого нрава, на эмоции и вовсе скупой, лишь усмехался, бороду оглаживая да нахваливая себя за то, что привел дочерей на выставку.

Забывлось уже, что мысль сия была подброшена Аглаей Никифоровной и что поначалу сама мысль показалась нелепой, да и то, занят был Михайло Добронравов, не до выставок ему. У него контракты, и дела на многие тысячи рублей, и за всем-то пригляд хозяйский нужен, а выставка... это пустое.

Однако же Аглая Никифоровна напомнила, что дочери батюшку родного видят редко, а ведь подросли уже, по двенадцать-то годков им... и тринадцатый скоро будет, до того скоро, что впору и о подарках задуматься.

А это дело непростое.

Вот пуцай сходят, на украшения посмотрят, глядишь, и придется что по сердцу. Оно конечно, что в Петербурге и своих мастеров в достатке, но все ж интересно, чего французы удумали. И ныне, глядя на Оленьку, Михайло Добронравов искренне радовался да примерялся: безделушки и вправду были хороши, но и стоили немало. Нет, оно конечно, для любимых дочерей, единственной отрады в жизни, ему ничего-то не жаль, но вот натуре купеческую не так-то просто переломить...

– Ах, папенька! – воскликнула Оленька в очередной раз. Надюша лишь поморщилась.

Двойняшки.

В один день на свет появились, Надюша – первой, а Оленька следом, но уже тогда разными были... Одна темненькая, другая – светленькая. Одна хмурится, смотрит исподлобья с недоверием, другая всему миру улыбаться готова.

Сестры.

А матушка их, пусть Господь душу ее примет, представилась...

Сиротами росли. И быть может, недолюбил их Михайло Илларионович, недоласкал, недодал чего, оттого и видится порой за светлую улыбкой Оленьки печаль, легкая, осенняя. И за упрямством Надежды обида невысказанная. Оно конечно, были дома и няньки, и тетки, и вот Аглая Никифоровна, сродственница по матушке, сама овдовевшая, из Сибири приехала, смотрела за ними, как за родными... и девки-то любили ее, да... не та любовь, не к матери.

Чувствовал Михайло Илларионович неизъяснимую за собой вину и, пытаясь заглушить ее голос, баловал дочерей...

– Вы только посмотрите! – Оленька всплеснула руками, а Надюша вновь скривилась и демонстративно отвернулась, будто бы и неинтересно ей вовсе.

Ах, до чего разные!

Оленька легкая, светлая и красивая.

Волос золотой вьется.

Личико кукольное с чертами мягкими, с глазами синими вполлица... И все-то ей радостно, все-то удивительно, и от этого детского еще удивления кажется она не то чтобы красавицей, но... хочется на нее смотреть.

Надежда хмурая, серьезная не по возрасту.

И некрасивая. Нет, нельзя сказать, что вовсе уж нехороша собой, та же Аглая Никифоровна твердила, что будто бы старшая дочь женщиной весьма интересной стать обещается...

– Папенька! – Оленька застыла у очередной витрины. – Ты только посмотри, какая прелесть!

И в синих очках – мольба...

...А той прелести – ласточка золотая на тонюсенькой цепочке. И Михайло Илларионович лишь плечами пожал: мол, не понять ему девичьих чаяний. Вон, на иных витринах-то кольца с камнями драгоценными, серьги, браслеты, часики... а она – ласточку.

И добре бы солидную, а так – глянуть не на что.

– Вижу, мадмуазель имеет хороший вкус, – меж тем из-за витрины вышел молодой человек вида весьма благонадежного. Он был хорош собой и говорил пусть и по-русски, но с изрядным акцентом, каковой выдавал иностранное происхождение. – Эту подвеску сотворил мой дед Луи Франсуа. Для принцесс Матильда...

– Сколько? – спросил Михайло Илларионович, прикинувши, что она простенькая подвеска обойдется ему дороже браслетика с алмазами.

– Не продавать, – француз покачал головой. – Семейный наследство.

...точно, дороже...

– Папенька, – Оленька вздохнула горестно-горестно, всем своим видом показывая, что об этой ласточке мечтала не один уж год, ночей не спала, гадая, как бы ее приобрести. И ведь упряма, дочь любимая, теперь-то уж ничем не отступится.

– Сколько? – со вздохом не менее тяжким повторил Михайло Илларионович. А французик знай себе головой качает да твердит, что продать ласточку никак не может.

Цену набивает.

– Она, – и голос у него сделался тоньше, нервней, – особа. Особенный то есть. Ее делать мой дед. Дед мой основать дело. Мы все его уважать сильно...

– Уважать старших – это, конечно, правильно, – согласился Михайло Илларионович, вытаскивая чековую книжку, – однако же ты, любезный, цену-то назови... Мне для дочерей ничего не жаль.

Оленька захлопала в ладоши и уставилась на французца молящим взглядом.

Разве ж можно было ей отказать?

Он попытался, рассказывать принялся про деда своего, про то, что был он человеком исключительного таланта, а иные поговаривали, будто бы не просто таланта, но и знания тайного, масонского, достоверно неизвестно, состоял ли он при ложе или сие наговоры...

Несмотря на то, что чужой язык давался французцу непросто, рассказывал он на удивление складно и бойко, Михайло Илларионович и сам заслушался. А что? Любил он послушать иные историйки, которые про жизнь, про людей достойных... А тут и послушать, и поглядеть...

...Луи Франсуа был единственным сыном Пьера Картье, каковой переселился во Францию по настоянию супруги, женщины достойной и норова воинственного. Некогда она ради собственного будущего, которого не мыслила без Пьера, избравшего беспокойную солдатскую стезю, совершила настоящий подвиг. История сия, рассказанная не единожды, обросла многими подробностями, переродившись в некую разновидность семейной легенды.

Как оно было на самом деле?

Пьер, названный в честь прадеда, этого не знал. Он лишь слышал о том, как его прабабка передала прадеду женское платье, а потом и вывела из осажденного города, помогла переправиться в Париж... Ну а там Пьер, взявши имя Картье, и открыл свою лавочку.

Делал он пороховые рожки, не чураясь, однако, и иной, куда более тонкой работы. Из рук его, которые все ж не были руками солдата, но обладали завидным чутьем, выходили чудесные рисунки. А уж по ним позже делали и дамские пудреницы, и не дамские пистолы.

Луи Франсуа с ранних лет подвизался в лавке – с годами матушка его не поумерила воинственного норова, но направила его на наведение порядка в подвластном ей семействе – и видел, как бумажные узоры перерождаются в металле. Это казалось ему настоящим чудом.

Он же, стремясь к чуду приблизиться, пожелал овладеть непростым ювелирным искусством. Но желание это шло наперекор материнским чаяниям. Разве ж можно прокормиться золотыми безделушками? Порох – оно куда как верней...

К счастью для Луи Франсуа, Пьер Картье впервые выступил против супруги, которой был весьма благодарен за спасение.

– Пусть ищет свой путь, – сказал он, проявив невиданное доселе упрямство. И слова своего держался, отдав сына на обучение к мастеру Пикарду, пусть и не самому лучшему в Париже, но согласному знанием поделиться. Следовало сказать, что учился Луи Франсуа весьма охотно...

Собственную лавку, купленную, как и мастерская, у мастера Пикарда, Луи Франсуа открыл в 1847 году, в Париже, на улице Монтергей.

Было ему двадцать восемь лет.

Конечно, могло случиться так, что мрачное предсказание матери, которая до последнего вдоха пребывала в уверенности, что Луи Франсуа совершил страшную ошибку, отказавшись от отцовского дела, сбылось бы, но Луи Франсуа вновь повезло.

Об этой встрече он сам рассказывал Пьеру с улыбкой.

А Пьер, слушая, задерживал дыхание, вновь и вновь переживая события давних дней. Он сам становился Луи Франсуа, молодым ювелиром, который все свои и не только свои сбережения вложил в открытие дела. И месяц минул, и другой, и третий. Люди, которым Луи Франсуа задолжал, заговорили о возврате долгов, а матушка ждала, когда же он, разочаровавшись в избранной стезе, явится в отцовский дом... и душу терзали нехорошие предчувствия, а в кошеле осталась одна медь.

И быть может, он и вправду не годен для нового дела?

Но зазвенел медный колокольчик, и в лавку вошла дама, по которой Луи Франсуа сразу понял, что дама сия – не из простых. Она была изящна, сильно напудрена и хорошо пахла, что по тем временам говорило о статусе больше, нежели дорогое платье.

Она смеялась и капризничала, требуя показать то одну безделушку, то другую, перебрав все, что имелось в лавке. Луи Франсуа почти уверился, что дама уйдет, ничего не купив, когда она указала тонким пальчиком на три броши, сказав:

– Их я возьму.

Пьер выдохнул, переводя взгляд с Оленьки на Надежду, которая стояла в отдалении, делая вид, что история сия, равно как и великолепные вещицы, окружавшие ее, нисколько ее не интересуют. На некрасивом лице Надежды появилось выражение скуки и еще, пожалуй, легкой брезгливости.

А вот Оленька слушала с превеликим восторгом, не пытаясь оный скрыть.

– Эта же женщина, – продолжил Пьер, открыв махоньким ключиком витрину, – быть графиня Ньеверкерк¹. Очень важный человек. А она сама сильно дружит с принцесс Матильда и еще принцесс Евгения, жена императора. Мой дед говорить, что женщины быть очень и очень сильные, умные и красивые.

¹ Супруга суперинтенданта по изящным искусствам при дворе Наполеона III.

При этих словах он смотрел на Оленьку, которая от такого внимания зарделась, верно, примерив сей комплимент к себе. Конечно же, она красива.

Сильна? Оленька не знала. А вот в собственном уме несколько не сомневалась, пусть даже Надька и полагает, что сестрица ее – полнейшая дуручка. Она-то со своим умом вечно с папенькой ссорится, и с Аглаей, и со всеми вокруг, а потом ходит разобиженная, злая, точно сычиха... Вот Оленька никогда и никому не перечила, а все одно получала то, чего хотела. И ласточку получит. И кто тут теперь дура?

– Мой дед много делать вещи для них. Очень красивый. Его знать весь Париж. Он первый стал делать украшения, которые звери.

– В виде животных, – поправила Надя.

Ласточка была красива. Надежда, которая полагала себя равнодушной к таким женским безделицам, вынуждена была признать, что не способна отвести взгляда от этой ласточки.

А ведь ничего особенного.

Золотая птичка, крылья полумесяцем, хвост-игла... Глаз – желтый камень, не то топаз, не то алмаз – Надежда ничего-то в камнях не понимала – посверкивает, переливается.

И все же тянет взять ласточку в руки.

Примерить.

И... и разве она не заслужила? Это у Ольги целая шкатулка украшений, где и перстни, и браслеты, и цепочки всякие, а в прошлом году папенька ей рубиновый гарнитур приобрел немислимой стоимости. Надежде же просто чек выписал, мол, купи, чего сама пожелаешь. Обидно. И вдвойне обидней оттого, что и заветная ласточка достанется Ольге. А та, наигравшись – к украшениям она остывала быстро, впрочем, как и к людям, – бросит ее в шкатулке.

Ласточка одиночества не вынесет.

Откуда взялась эта странная уверенность, Надежда не знала.

– Этот ласточка дед делать для императрица. Но та сказать, что ласточка простой... И дед оставить ее для сам. Он хранить ее. И отдать нам. Продать невозможно.

– Папа, – Наденька решила. Она робко тронула рукав Михайло Илларионовича и шепотом попросила: – Купи ее мне, пожалуйста.

– Мне! – тотчас потребовала Ольга, окинув сестрицу ревнивым взглядом.

Михайло Илларионович растерялся.

– Нельзя, – со вздохом повторил Пьер, верно, уже смирившись с тем, что придется расстаться с ласточкой, которая, говоря по правде, особой ценности не представляла. В семейной коллекции имелись иные, куда более впечатляющие работы Луи Франсуа.

А ласточка...

Главное, цену хорошую взять.

Пьер окинул клиента цепким взглядом. Здеишие люди отличались одновременно и скупостью, и невероятной же расточительностью, когда дело касалось каких-то капризов. И нынешний дорого станет Михайло Илларионовичу.

– Оленька, – взмолился он и, не найдя слов, обвел рукой выставочную залу.

Оленька нахмурилась и ножкой притопнула, сказав:

– Ласточку хочу!

– И я, – добавила Надежда, впервые в жизни отказавшись уступить сестре. Откуда взялось это упрямое желание во что бы то ни стало получить ласточку, она и сама не могла бы сказать. Но сейчас Надежда вдруг припомнила все обиды, и совсем уж детские, когда Оленька отбирала кукол, и иные платья ей доставались самые красивые, и ленты, и прочее...

– Я первая ее увидела!

– И что?

– Я младше, а младшим уступать надо!

– Я всегда тебе уступала, – усмехнулась Надежда. – Давай и ты хотя бы раз мне уступишь.

Предложение это Ольге пришлось не по нраву. Нет, конечно, на выставке имелось великое множество украшений, среди которых попадались и вовсе великолепные, к примеру, то колечко с крупным камнем... или брошь в виде скорпиона... или еще часики чудные, каковых ни у кого-то из подружек не было и не будет. И Оленька чуяла, что папенька, желая предотвратить грядущую свару, с преогромным удовольствием купит ей и колечко, и брошь, и часики, и еще с полдюжины безделниц, но...

Не могла она Надьке уступить, и все тут!

– Надюша, – Михайло Илларионович попытался было уговорить старшую дочь, впрочем, не особо на успех рассчитывая. Все ж таки упрямство – черта семейная.

– Папа, – строго ответила она. – Разве ж я когда и о чем-то вас просила?

Ее правда, никогда и ни о чем. Порой Михайло Илларионович думал, что дочери его старшей следовало бы родиться сыном, до того деловита, не по-женски холодна она.

А вот поди ж ты...

– Уважаемый, – со вздохом обратился Михайло Илларионович к французу, каковой наблюдал за разыгравшейся сценой с преогромным вниманием. – А вы бы не могли сделать вторую ласточку?

– Нет, – Пьер покачал головой. – Мы... не повторять. Каждый украшения эксклюзивен. В один число. Правило.

Правило правилами, а деньги деньгами... И неужто два человека, которые привыкли оные деньги своими кровью и потом зарабатывать, да не найдут общего языка?

Пьер сопротивлялся долго. Но Михайло Илларионович, чуя за собой правоту и раздраженные взгляды дочерей, которые упрямо избегали смотреть друг на друга, не собирался отступать.

А спустя три дня в преогромном особняке, купленном Михайло Илларионовичем в прошлом году для солидности и престижу, появился посыльный. Он принес два футляра, как-то выгладили совершенно одинаково. Черные. Сафьяновые. С крохотными замочками. Украшенные буквой «С».

Михайло Илларионович, заглянув сначала в один, а затем в другой, хмыкнул, погладил бороду, закрыл футляры и велел позвать дочерей.

– Балуетесь вы их, – с неудовольствием произнесла Аглая Никифоровна, которая втайне рассчитывала получить подарок, хоть бы самое захудалое колечко.

– Балую, – признался Михайло Илларионович. – Грешен.

Оленька первой впорхнула в отцовский кабинет. Увидев футляры, она подпрыгнула и совершенно по-детски захлопала в ладоши.

– Ах, папенька! Спасибо преогромное! – воскликнула она и, сияясь выказать благодарность, расцеловала Михайло Илларионовича в обе щеки. – Я так счастлива! А где моя...

– погоди.

Заглянуть в футляры Михайло Илларионович не позволил.

Надежда вошла широким шагом. И снова оделась нехорошо, в серое скучное платье из грубого сукна. Волосы зачесала гладко. На нос за какой-то надобностью очки нацепила... пытается выглядеть взрослей, чем она есть.

– Добрый день, папа, – сказала она, присаживаясь. И держится строго, холодно, ни дать ни взять благородная дама... Аглая вон кивает, довольная, будто бы сама этакою воспитала.

Воспитала, конечно, тут ничего не скажешь.

– Вот, – сказал Михайло Илларионович, подвинув футляры к краю стола. – Доставили нынче... ласточки ваши.

Он лишь крякнул, припомнив, во что обошлись эти простенькие с виду подвески. Но полыхнули огнем Наденькины очи, и Оленька дыхание затаила...

А значит, стоили сии ласточки затраченных денег.

– Я мыслю, чтобы все по справедливости было, выбирать надобно так, – Михайло Илларионович погладил футляры. – Чтоб после без обид...

– Чур, я первая! – вскочила Оленька и, обернувшись к сестре, добавила: – Я младше!

Надежда ничего не ответила, и, пожалуй, стороннему наблюдателю могло бы показаться, что она вовсе осталась равнодушна что к отцовской придумке, что к футляру. Вот только взгляд выдавал, жадный, ищущий.

Оленька же все не решалась.

Она протягивала руку то к одному футляру, то к другому, касалась и отдергивала, и вновь тянулась, оттопыривала капризно губу и на Михайло Илларионовича косилась: неужто не подскажет он своей любимице? Неужто не подаст знак какой тайный? Не подскажет. Не подаст.

Михайло Илларионович был человеком справедливым. И Оленька все ж решилась.

– Это моя! – воскликнула она, схватив левый футляр.

– Тогда это – моя, – Надежда взяла правый и, глянув на сестру с насмешечкой, предложила: – Открываем?

Оленька с готовностью откинула крышку и не сдержала возгласа не то восхищения, не то возмущения.

Михайло Илларионович вынужден был признать, что француз сработал безупречно, сумев и повторить дедову подвеску в мельчайших деталях, и все ж сделать ласточек разными.

Ту, которую Оленька сжимала в кулаке, точно желая раздавить, сделали из платины. Бледно-желтый благородный металл.

И сапфир с ним хорошо смотрится.

А Оленька все одно недовольна...

Хмурится. Губку оттопырила. И та дрожит, знать, вот-вот разразится Оленька слезами. Но, странное дело, Михайло Илларионович, всегда-то к дочерниным обидам относившийся нервно, ныне остался равнодушен.

– Сама выбрала, – сказал он, слегка поморщившись. – Оленька, это всего-навсего украшение! Ежели тебе не по нраву, выбери другое. А это я отошлю.

Но и сей вариант Оленьку не устроил.

– Из-за тебя все! – всхлипнув, кинула она Надежде, которая свою ласточку уже надела. – Чтоб ты... чтоб ты сдохла!

Выкрикнула и, сорвавшись с места, убежала.

Вот же...

Михайло Илларионович лишь головой покачал: таких страстей из-за украшений он не ждал. И ныне на дочь любимую взглянул новыми глазами. Аглая же Никифоровна подтвердила, сказав:

– Избаловали вы ее.

Как есть избаловал. Да только ж разве можно было не баловать? Оленька-то всегда была ребенком милым, светлым, что лучик солнечный... и тут вдруг этакое.

– Это у нее от нервов, – спокойно сказала Надежда, которую сестрина эскапада несколько не испугала и не возмутила. – Она в последнее время дюже нервная.

На том и порешили.

Впрочем, доктор не понадобился. Оленька, проплакавши весь вечер от обиды, выпросила у папеньки пару браслетов с алмазами да поездку на воды, успокоилась...

К вопросу устройства Софьиной личной жизни Лялька отнеслась со всей ответственностью. Нет, собственная личная ее тоже беспокоила, но Софья – больше.

– Ты что, эти платья потащишь? – возмутилась она, заглянув в почти упакованный чемодан. – Ты в них мышой будешь! Обморочной!

Платья были новыми, но серыми и, по словам Ляльки, – невыносимо скучными, а Софье нравились. Мама говорила, что женщину украшает скромность... Но мамы больше нет.

– Тебе нужен новый гардероб! – Лялька была непреклонна.

Софья хотела было отказаться, но... если жизнь менять кардинально, то почему бы не начать с гардероба?

Платье синее.

И красное, и желтое, расшитое ирисами... юбка-макси, потому как от юбки-мини Софья категорически отказалась, майки, блузки и купальник.

Чемодан отказывался закрываться.

– Пихай, – велела Лялька, – а не то опоздаем.

На виллу «Белый конь» отправлялись с вокзала, явиться на который следовало к одиннадцати часам. Было четверть восьмого, но Лялька все равно нервничала, сразу и за себя, и за Софью.

– Успокойся...

– Не могу, – сказала Лялька, усаживаясь на чемодан. И под весом ее тот жалобно хрустнул, но закрылся. – Надо прийти заранее.

– Зачем?

– Затем, чтобы занять выгодную диспозицию! Ну, Сонь, ты прямо как маленькая. Чтобы хорошенько всех рассмотреть...

– У тебя две недели будет... Насмотришься.

Лялька только хмыкнула и потянула за собой.

Диспозицию она и вправду выбрала выгодную, такую, что виден был пятачок вокзала, где по договоренности должны были собраться все, кто принимал участие в проекте Регины Васильевны.

Пока под тентом расхаживала тощая девица в светлом льняном сарафане и кожанке, которая выглядела чересчур большой для девицы. Сама она была неестественно худа, светло-волоса и с виду стервозна. Девица то и дело останавливалась, вытаскивала из кармана кожанки круглые часы на цепочке, смотрела на них, убеждалась, что времени прошло не так и много, и часы прятала.

Под скамейкой стоял солидного вида чемодан на колесах.

Но вот к девице подрулило такси, из которого не без труда выполз очень крупный мужчина. Он пыхтел и пытался отдышаться, словно после долгого бега, и мягкое пухлое лицо его покраснело.

– Никуша! Ты ли это! – неожиданно фальцетом воскликнул мужчина и руки раскрыл, но девица от объятий ускользнула.

Скривилась.

Эта встреча ее, кажется, не обрадовала.

– Пашка, – мрачно сказала она. – Ты тут что делаешь?

– Я? Жену ищу! – Мужчина вытащил из багажника полотняную сумку, до того раздутую, что того и гляди лопнет. – Пойдешь ко мне в жены?

– Я похожа на дуру?

– Похожа на стерву, – Лялька комментировала происходящее, а Софье было несколько неудобно. Получается, что они с Лялькой вроде бы как подсматривают...

– Шучу я, шучу, Никуша, – хохотнул толстяк, вытирая щеки платком. – Я ж тоже не дурак, жену выбирать надобно осторожно, с оглядкой... а то так женишься, а спустя месяц-другой и в петлю...

– На что ты намекаешь?!

– Ни на что. Не намекаю я, а ситуацию обрисовываю...

– Обрисовывай свою ситуацию в каком-нибудь другом месте, – Никуша повернулась к толстяку спиной, и спина эта выражала крайнюю степень негодования.

– Зря ты так, – произнес Пашка. – Нам с тобой дружить выгодно...

Никуша только плечом дернула, если и хотела она что-то ответить, то не успела: к перрону подкатил крохотный ярко-красный «Матиз», из которого выпорхнула преочаровательная девушка.

Это поначалу Софья приняла ее за девушку, но, присмотревшись, поняла, что ошиблась: владелице «Матиза» было явно слегка за тридцать. Но выглядела она чудесно. Изящная, хрупкая, и платье из какой-то невероятно легкой ткани лишь подчеркивало эту ее хрупкость.

– Еще большая стерва, – прокомментировала Лялька и, протянув пакет, поинтересовалась: – Орешки будешь?

– Буду, конечно.

– Ба! Какие люди! – громко воскликнул Пашка, но обнимать хрупкую брюнетку не стал, напротив, руки за спину спрятал. – Маргоша! Тебя-то каким ветром занесло?

– Полагаю, что тем самым, которым и тебя, дорогой Пашенька, – Марго подставила щечку, которую Ника поцеловала. – Я в игре... и надеюсь, вы понимаете, что играть собираюсь по-крупному...

– Намекаешь, чтобы не лезли? – Никуша отступила к самому краю перрона.

– Почему намекаю? Прямо говорю. Хозяин – мой.

– Она его убьет, сожрет, а голову на стену повесит, – постановила Лялька, и Софье стало очень-очень жаль неизвестного хозяина виллы «Белый конь», который, верно, сам мнит себя охотником.

Маргоша вытащила из ридикюля крохотное зеркальце:

– Пашка, будь добр, займись багажом, а я машину отгоню. Боже мой, Никуша, ты снова на себя этот ужас натянула! Ну сколько можно повторять, что тебе категорически не идет этот фасон! Ты в нем похожа на швабру в тюле... и куртка...

Куртку Маргоша пошупала.

– Если уж решила приобрести кожаную вещь, то будь добра раскошелиться на приличную марку, а не на это... убожество...

– Маргоша, а ты так и не научилась разбираться в приличных вещах... Не всегда лэйбл означает качество.

– Может, – Софья вдруг представила, что следующие две недели она проведет в компании этих двух дамочек, – все-таки домой?

– Неа, – Лялька была настроена более оптимистично. – Теперь – ни за что!

– Почему?

– По кочану. Должна же я этой стерве нос утереть?

Софья вздохнула и промолчала.

– Маргоша! Как я счастлив тебя видеть... – следующий участник подошел пешком. – И Ника тут... и Пашка... прямо встреча выпускников получается!

Был он худ и вида болезненного, с желтоватой кожей, которая на шее обвисла некрасивую складкой, с крупным узкогубым ртом и острым подбородком, с волосами пегими и залысинами.

– Красавчик, – прокомментировала Лялька. – Я начинаю думать, что нас кинули... или, точнее, сунули в мешок со змеями, причем хорошо знакомыми друг с другом змеями.

– Ой! Это вы! Маргошечка, ты совсем не изменилась! – Полная женщина волокла чемодан на колесах, колесики были маленькими и то и дело застревали на стыках плитки. Тогда женщина останавливалась, дергала ручку чемодана.

Розового.

И платье на ней тоже было розовым, ярким, щедро усыпанным стразами, которые на ярком солнце переливались и слепили. Розовые бантики украшали прическу. И балетки женщины.

– В отличие от тебя, Машка, – отозвалась Маргоша, окидывая новую потенциальную соперницу взглядом. И надо полагать, увиденное Маргошу успокоило. – Нельзя же столько жрать!

– А я не жру! – Маша остановилась. – Это все гормоны! После родов! Господи, ты бы знала, до чего тяжело...

– Опять за свое... – скривился Толик. – Этой вечно все тяжело!

– Зато тебе легко! – Голос Маши сорвался на визг. – Небось как по гостям раскатывать, так время есть, а как с детьми посидеть, так он вечно занят!

– Я работаю в отличие от некоторых!

– И я работаю! Но я еще и детей воспитываю! Господи, Маргошенька, если бы ты знала... – Маша всплеснула руками и обняла брюнетку. – А ты все хорошеешь! Такая стройненькая... Как я тебе завидую...

– Не завидуй, Машка, мужики – не собаки, на кости не бросаются, – сказал высокий парень в спортивном костюме.

– Ой! Артемка! – Машка с визгом повисла у него на шее, расцеловала в обе щеки, оставив на щеках этих следы розовой помады. – И ты тут!

– Все тут! – весело ответил Артемка. – И это само по себе подозрительно... Ну что, красавицы, готовы ко встрече с прошлым?

Маргоша фыркнула, Ника достала часы, сделав вид, что ничего, кроме них, ее-то и не интересует...

– А ты все шутишь, – заметил Пашка.

– Шучу. Что еще делать-то? Слышал, у тебя неприятности...

– У кого их нет.

– У всех есть, – Толик обошел Артема стороной, и надо сказать, что глядел на него крайне недружелюбно. – Вот только у одних – обыкновенные, жизненные... а другие...

– Если намекаешь, что я кидала, то прямо скажи.

Артем улыбался, но от улыбки его Софье сделалось крайне неудобно.

– Не кидала. Мошенник.

– Суд меня оправдал. Обстоятельства непреодолимой силы...

– Ага, людям скажи, которых ты без денег оставил.

– Я? Помилуй, Толик, я ж никого не заставлял в пирамиду вкладываться. Я и сам, если можно так выразиться, потерпевший... И вообще, в нынешнем мире, по-моему, дураков таких, чтобы пирамидам верить, не осталось, а если остались, то этих дураков учить надобно. Так что если думаешь, что я оправдываться стану, то фиг тебе...

– Интересная личность, – Лялька нахмурилась.

Мошенников она недолюбливала, особенно после того, как без первой зарплаты осталась. Софья кивнула: тут, куда ни глянь, интересные личности, а главное – что явно друг с другом знакомые...

– Ну что, идем? – Лялька подхватила чемодан. – А то ведь без нас уедут...

Софья не расстроилась бы.

– Здрасьте всем! – крикнула Лялька издали. – А вы тоже на виллу, да? Нам Регина Васильевна говорила, что нас много будет! Я Ольга, но можно просто Лялькой звать! А это – Сонька, только она не любит, когда к ней так, поэтому лучше, если Софьей...

Встретили их взглядами оценивающими и лишенными даже толики дружелюбия. Софья поежилась, остро осознавая собственное несовершенство. А Марго с Никой лишь плечами пожали: в новоприбывших соперниц они не видели...

– Сонька – бухгалтер... не главный, но старший, в чем разница – не спрашивайте, не скажу, – Лялька устроилась на лавке и, болтая ногами, продолжала говорить. И наверное, следовало бы ее одернуть, Софья не любила, когда о ней рассказывали незнакомым людям, хотя, конечно, никакой такой особо секретной информации Лялька не выдавала, но...

– А я вот дизайнер!

– Оно и видно, – не удержалась Маргоша.

На Ляльке был бирюзовый короткий сарафан и белая с пышным рукавом блузка, волосы она заплела в дюжину косичек, каждую из которых украсила крупной бусиной. На Лялькиных запястьях звенели браслеты, а с тонкого пояска свисали полдюжины разноцветных ремешков.

И следовало признать, что вид Лялькиного незнакомца с нею человека мог бы смутить...

– Вообще я на актрису училась, но как-то оно не сладилось, а дизайном заниматься я люблю...

– Ой, – Машка присела рядом, – а я тоже дизайном заниматься люблю! Я в квартире ремонт недавно делала... и такие занавески купила!

– Розовые? – уточнила Лялька.

– Да... а как ты...

– Обыкновенно, Машенька, у тебя любовь к розовому на лбу написана.

– Ой, Ника, а ты все шутишь...

– Да какие шутки, – пробормотала Ника, отворачиваясь. – Боже, и долго нам тут торчать?

– Пока все не соберутся, – это произнес брюнет того типа, который Софья считала подозрительным. Нет, брюнет, не считая того, что появился он словно бы из-под земли, выглядел вполне себе обыкновенно, но вот...

Высокий. Спортивный. Ухоженный. Одет со вкусом, неброско, но вещи явно дорогие, и главное, что взгляд хозяйский, осматривает каждого из собравшихся на остановке.

Каждому кланяется.

И на Софье взглядом задержался, что не укрылось ни от Ники, ни от Маргоши...

– Стасичек! – взвизгнула Машка, и этого гостя измазав помадой. – Ой, Стасичек, как я рада тебя видеть! Это все ты придумал, да? Я знаю, что ты, ты всегда был страшным фантазером! Прямо как приглашение получила, то сразу подумала, что это неспроста.

Она висела на шее у брюнета, а он и не думал высвободиться из крепких Машкиных объятий, напротив, приобнял ее свободной рукой. Хмыкнула Маргоша, коснулась волос, поправляя идеальную прическу. А Ника отвернулась, точно не в ее силах было смотреть на эту комедию.

– Прямо как в кино! – поддержал Машку Павел. – В ужастике... собираются все в страшном доме, и там их по одному мочат.

Пашка захихикал собственной шутке, но его не поддержали.

– Боже мой, Павел, – бросила Маргоша, – у тебя всегда было отвратительное чувство юмора. Приятно осознавать, что с годами хоть что-то не меняется!

– А женщин больше, чем мужчин, – Никуша вновь достала часы. – Это так задумано...

– Дорогая, не волнуйся, – не замедлила отозваться Марго и заклятую подругу за руку взяла, улыбнулась. – Мы тебе обязательно кого-нибудь да выберем... Например, Пашку... К слову, он у нас ныне успешный бизнесмен... Целых два ларька имеет...

– Три.

– Видишь, три ларька. Выходи за него. Будешь как сыр в масле кататься, горя не знать... Но подобная перспектива отчего-то Пашку тоже не обрадовала.

– Нет, Марго, – бросил он. – Я ее замуж не возьму. Она у нас вдова... А я жить хочу...

Выходи сама за меня.

– Шутишь?

– Да нет, ты у нас женщина обеспеченная, правда, гуляющая слегка, ну так я – человек широких взглядов, попрекать не стану...

Маргоша засмеялась, вот только смех ее вышел искусственным.

– И все-таки, Стасичек! – Машка отпустила свою жертву, которая теперь пыталась оттереть щеки от розовой помады. – Посмотри, я, Маргоша, Ника и эти двое. Получается пять. Теперь считай, Толик, Пашка, Артемка и ты... четверо.

– Добавь Ваську.

– Ваську?! – Машкино пухлое личико скривилось.

– Ваську, Ваську... Он нас на месте ждет. А если Васька не по вкусу, то... подождем еще одного кандидата. – Стас сел на лавку, ноги вытянул и уставился почему-то на Софью. Взгляд был изучающим и недружелюбным. После нескольких минут осмотра Софья не выдержала.

– Я вам не нравлюсь? – поинтересовалась она, не обращая внимания на Лялькино возмущенное сопение: по ее мнению, с красивыми мужчинами в подобном тоне разговаривать не принято.

На красивых мужчин Софье было наплевать. А на этого конкретного – тем более.

– С чего вы решили?

– Вы на меня так смотрите...

– Любуюсь.

Издевается?

– Значит, вы бухгалтер? – уточнила Маргоша, которой этот интерес тоже не по нраву пришелся. Она обошла Софью кругом. – Какая скучная профессия...

– Какая уж есть.

Свою работу Софья любила, не сказать чтобы безмерно, но ровно настолько, чтобы эта работа была ей не в тягость.

– Старший бухгалтер, – поправила Лялька.

– Ста-а-арший, – Ника повторила маневр не то подруги, не то соперницы.

Кружат, что акулы... Неужели полагают, что Софья собирается претендовать на этого вот брюнета? Нет уж, она – женщина здравомыслящая. Как по Ляльке, так порой чересчур уж здравомыслящая, но... такие брюнеты – Софья точно знает – не про нее. Ненадежны.

– Старший – это серьезно...

Софья сочла за лучшее промолчать. В конце концов, она здесь по своей надобности, жизнь меняет, и, похоже, та меняется чересчур уж резко.

Последний участник появился, опоздав на пятнадцать минут.

– Драсте! – сказал он, и Софья, слышав этот чересчур веселый голос, вздрогнула.

Оборачивалась она в тайной надежде, что ошиблась, но нет, на платформе, с массивным рюкзаком на левом плече, с матерчатой клетчатой сумкой в правой руке стоял Витюша.

– Ой! Софья Павловна! И вы тут?! – воскликнул он, расплываясь в счастливой улыбке, а вот Витюшина матушка, которая, конечно, не могла остаться в стороне и явилась, дабы проводить дорогое дитяtko в дорогу дальнюю, напротив, нахмурилась.

– Что вы тут делаете? – поинтересовалась она скрипучим голосом.

– То же, что и остальные, – за Софью ответила Лялька.

Остальные Марии Аркадьевне понравились еще меньше, чем Софья.

– Нам обещали знакомство с приличными девушками, – сказала Мария Аркадьевна, подхватывая Витюшу под локоток.

– Хотите сказать, что мы неприличные? – фыркнула Ника.

Ответом ее не удостоили.

– Витюша, мы...

– Отправляемся, – перебил Стас, покидая насиженное место. – Вы и так опоздали. Идем. И странное дело, Витюшина матушка, которая не стеснялась и Софье выговаривать за то, что она, Софья, перегружает мальчика работой, замолчала.

Молчала долго. До самого отъезда.

И только когда Витюша, скинув сумки в багажное отделение белого автобусика, обнял матушку, всплакнула, сказав:

– Ты уж там поосторожней... Одни хищницы кругом.

Хищницы вились вокруг Стаса, норовя прикоснуться невзначай, задеть то рукой, то бедром, замирали в картинных позах, и Лялька любовалась этой чужой охотой.

– А ты ему понравилась, подруга, – сказала она, усаживаясь рядом.

– На свою голову, – Софью это обстоятельство, если, конечно, оно было правдой, не обрадовало.

В автобусе пахло керосином.

Нет, автобус был хороший, комфортный, но керосином все равно пахло. И быть может, этот запах лишь чудился человеку, но меж тем для него был весьма реален.

И будил воспоминания.

Не только запах, но и люди... голоса...

...Тогда он тоже слышал голоса за тонкой стеной, которая казалась такой ненадежной. И вжимался в продавленный диван, единственное его убежище, трясясь от мысли, что ручка на двери повернется и кто-то из тех, говоривших, войдет. Найдет. И как тогда быть?

Аннушка была мертва, и этого – человек осознавал сие отстраненно – не изменить. А его посадят. И из университета выгонят. Почему-то факт неминуемого исключения из университета беспокоил его едва ли не сильнее, чем перспектива провести лет десять за решеткой.

Или пятнадцать.

Тогда он не знал, сколько полагается за непредумышленное убийство... а ведь он не умышлял.

Так получилось.

И тогда, много лет тому назад, дверь все-таки открылась. Пахнуло бензином... Он так и не понял, откуда взялся этот запах в съемной квартире.

– Анька? – Он не видел лица Никуши, но голос узнал. И тень, которая выделялась и в темноте. Это ложь, что ночь не годится для теней. – Выметайся из моей хаты, тварь... Десять минут тебе.

Она постояла на пороге, небось шурилась... У нее было плохо со зрением, но Никуша скорее скончалась бы, чем пополнила ряды очкариков.

Красавица.

Анна, мертвая, но еще теплая, красавицей себя не считала. Напротив, когда он говорил это, то смеялась, отнекивалась, мол, ничего-то в ней особенного нет.

Когда за Никушей закрылась дверь, он погладил Анну по влажной щеке и шепотом произнес:

– У нас все получится.

Конечно же, ложь. Не было «нас», никогда не было, даже когда Анна была жива. Он просто неправильно понял дружеское ее отношение и разозлился. Он ведь тоже человек и на злость способен, ледяную, как вода в проруби на Крещение... Мать верила и каждую зиму к полынье ходила и его с собой брала. Он помнил белизну снега и черноту воды, на которой качалось ледяное крошево. Свой страх. И обжигающий лютый холод. Слабость. Ноги стано-

вятся тяжелыми, а легкие парализует, и он опускается на дно реки, не по деревянной лестнице, заботливо поставленной священником, но просто... как утопленник. Он и есть утопленник.

И лишь когда легкие начинает жечь огнем в преддверии неминуемой смерти, а ноги его касаются дна, рыхлого, укрытого толстым слоем ила, он вспоминает, что жив. И отчаянная жажда жизни толкает его вверх.

Он выныривает, задыхается уже от жара. Его тянут из проруби, набрасывают на плечи тулуп, от которого несет зверем и дымом...

Похоже.

Эта любовь его затянула, оглушила, дала надежду и отобрала. И вот теперь он лежит в постели с мертвой женщиной и... и почти счастлив.

В тот раз он дождался, когда Никуша уйдет. Несложно.

И выбраться через балкон – благо квартира на первом этаже – проще простого. Собрать ее сложнее.

Одеть... Он никогда никого не одевал, и потому получилось не с первого раза. Разорванные трусики Анны он отправил в мусорный бак, тот, который на соседней улице, а платье долго не нашлось. Она, Анна, словно бы и теперь сопротивлялась... Ничего, справился.

И вынес.

И дотащил ее до старого железнодорожного моста, под которым вечная темень и вонь. Бросил в кустах, а на следующий день тряся, думая, что ее нашли... Нашли, но не сразу: неделя прошла, мучительная неделя, когда он то плавился в ужасе, почти решаясь на признание, то задыхался от восторга, вспоминая, как это было...

– Ты Аньку не видел? – поинтересовалась как-то Маргоша.

Кажется, три дня прошло.

Или уже четыре?

Не важно, но он покачал головой и сказал:

– Нет.

– Вы ж вроде...

Маргоша всегда знала все и про всех и тем втайне гордилась.

– Нет. Мы... разбежались. Еще тогда. У нее же Васька.

– Прикольненько... Но Васька ее тоже не видел. Куда же она пропала?

– Понятия не имею, – у него получилось произнести это с подчеркнутым равнодушием, и Маргоша понимающе кивнула: мол, переживаешь.

– Может, домой укатила... Каникулы все-таки.

– Может.

Хороший предлог, вот только оба знали – Анна никуда не уезжала.

... Нашли ее спустя неделю. Опознали.

И приходили в университет ради беседы. Двое приходили. Старый и молодой. От молодого пахло одеколоном «Тройным», а от старого – зубным порошком. В остальном же они были похожи, разомлевшие по летней жаре, усталые и заранее обреченные на неудачу.

Они одинаково двигались и одинаково поворачивали голову, чтобы впериться в собеседника немигающим взглядом. И глаза-то были одинаковыми, серыми, точно форменными. И улыбочки... И эта манера говорить, пришептывая:

– Значит, вы с гражданкой Аруниной расстались? – Молодой вертел в пальцах ручку, время от времени порывался сунуть в рот, видать, имел привычку колпачки грызть и с ней всячески боролся.

– Мы и не встречались толком, – человек был спокоен настолько, насколько это возможно.

– А вот нам сказали...

– Мне нравилась Анна, – он говорил правду, в ней видя и защиту, и надежду. – Она... красивая... и добрая очень... была красивой.

Он поправился, чувствуя, как бледнеет. Лишь бы без обморока обойтись... Обмороки с ним не случались с давних подростковых времен. Тогда-то они постоянно мучили, и мать их лечила святой водой, молитвой и его покаяниями. Что помогло – он не знал.

– Мне сложно с девушками сойтись...

– Слабо верится, – в этом голосе не звучало сомнения, только усталость.

За окном солнце палит. И день в целом-то хороший, подходящий для прогулок день. Интересно, у этого опера есть девушка? Если так, то наверняка ждет, надеется, что он сегодня закончит раньше и поведет гулять в парк.

Или на набережную.

– Я... не умею знакомиться... да и вообще... разговаривать... ухаживать... сложно. С Анной было просто. Она меня слушала... и сама рассказывала. Светлая такая... яркая... За что ее?

– Выясним.

Ничего они не выяснили, да и копали-то не глубоко.

Ночь. Мост. Нехорошее место. Ведь неоднократно предупреждали, что молодым студентам следует избегать ночных прогулок по нехорошим местам... Изнасилование и удушение... Изнасилование...

За это ему было стыдно.

Он ведь хотел, чтобы по любви было, и долго в любви объяснялся. Ему и вправду с девушками непросто было. Поэтому и признание свое готовил тщательно. Подбирал слова, писал речь и переписывал, сжигая листы над огоньком зажигалки. Занимались легко.

Сгорали.

И с ними мысли о матери, которая не одобрила бы такого греховного поведения. Наверняка наложила бы епитимью... и на Анну тоже.

Бесовка. Соблазнительница... В конце концов, он и сам себя уверил, что не виновен. Его соблазнили.

Короткими юбками, сарафанами своими летящими, вроде и длинными, но соблазнительными, блузочками белыми, и взглядами, словами... самим своим существованием.

– Значит, вы расстались.

– Да...

Она выслушала признание. И нахмурилась. Анна редко хмурилась, и потому его неприятно удивила эта гримаса. Он ждал... а и вправду, чего?

Радости? Счастья? Улыбки и робкого ответного чувства? Он ведь не сомневался, что оно есть, но...

– Прости, – сказала Анна и коснулась его щеки. – Мне... Наверное, мне следовало раньше понять, но мне было так хорошо рядом с тобой, так спокойно, что я... Ты на моего брата похож. И да, наверное, я тебя тоже люблю, но исключительно как брата. Мне очень жаль.

Ей и вправду было жаль.

Наверное.

А он испытывал боль. И ярость. И желание ударить ее... И, пытаясь совладать с собой, он сбежал. Скрывался. Прятался два дня, а на третий Анна его нашла, сказав:

– Ты ведешь себя странно. Меня это беспокоит.

А он вдруг четко осознал, что не позволит ей уйти. Нет, тогда не было мыслей об убийстве, не было вообще никаких мыслей, лишь противоестественное желание, совладать с которым у него не получалось.

– Вы расстались и больше ее не видели? – уточнил опер, позевывая. Ручку он не выпустил, сунул в ухо и ковырялся в нем.

– Мы не расстались. И виделись. Сессия же шла. Экзамены. А мы в одной группе, и было бы сложно не видеть ее.

Невозможно.

– Потом сессия закончилась. И я решил, что Анна уехала... отдыхать... и мало ли...

Опер кивнул и губу прикусил, верно, раздумывая, о чем еще спросить.

– С кем она встречалась, знаете?

– С Васькой...

Тогда он понадеялся, что Ваську посадят. Не вышло.

Чем дальше, тем более дурацкой выглядела вся эта затея. Стас притворился спящим, хотя подозревал, что притворство его никого не обманет.

Маргоша поглядывает искоса, мол, все-то знаю, все вижу, но цени мое благородство – позволяю тебе отдыхать... ну, или в себя прийти.

Маргоша ничуть не изменилась. Все та же стерва в толстом слое шоколада. Стала старше, и хватает ума не притворяться юной девицей. Впрочем, и сейчас хороша.

Что там Василий говорил?

Единожды вдова и дважды разведена, и всякий раз уходила с прибылью.

...Первый раз замуж Маргоша вышла еще в институте, из всех поклонников, среди которых Васька был самым никчемным, нужным, пожалуй, единственно ради поддержания образа роковой женщины, она выбрала пятидесятичетырехлетнего Дмитрия Ефимовича. Маргошу не смутило ни наличие законной супруги, ни троих детей. От супруги Дмитрий Ефимович избавился в кратчайшие сроки, дети попытались вмешаться, и были изгнаны...

Маргоша не терпела конкурентов.

Она вступила в единоличное владение что самим Дмитрием Ефимовичем, что его кафедрой, не говоря уже о таких мелочах, как квартира, дача и прочее движимое и недвижимое имущество.

...Первый ее супруг прожил всего-то пять лет, но под мудрым его руководством Маргоша не только успела защитить диссертацию, но и обзавелась нужными связями, позволившими ей закрепиться на кафедре.

Второй раз замуж она вышла за бизнесмена...

...И в третий...

...И если досе не врет, то сейчас Маргоша – дама весьма состоятельная, свободная и оттого опасная. Васяткой она не побрезгует. Вспомнит и про обожание его, и про собственное прошлое, сочинит слезливую сказочку...

Ерунда какая.

Никуша, вечная соперница, которая так и не сумела избавиться от клейма второй красавицы... Нет, красавицей она была согласна быть, но не второй.

Первой.

Единственная дочь состоятельных родителей, маленькая избалованная принцесса, которая незаметно выросла в большую, но не менее избалованную. Вечно пыталась у Маргоши кавалеров перехватить. И за Васькой охотилась, не потому, что Васька ей нужен был, а чтобы увести от Маргоши.

Убедила, что любит.

Васька по натуре рыцарь, как даме отказать... А оказалось, даме этой он нужен был, лишь пока в другую влюблен. Поигралась и выставила. Не просто выставила, а высказала все, что думает. Ничтожеством обозвала, бесполезным существом.

Васька говорит, что благодарен.

...А ведь Никуша одна осталась. Было какое-то замужество, родителями устроенное, капитал к капиталу или что-то в этом роде. Но не сложилось. Смерть родителей. Смерть супруга. Смерть падчерицы... Множество смертей, обернувшихся прибылью.

От родителей достался внушительный счет в банке, две квартиры, дача, пара магазинов модной одежды, два салона. От мужа – сеть супермаркетов, которые немалый доход приносят, и Никуше хватает на жизнь, но ей скучно.

А тут – такая игра...

...Машка сидит, ногти разглядывает, акриловые, длинные. Прежде-то свои отращивала, вечно повсюду с пилочкой ходила. Третья в компании не лишняя, третья – запасная, для равновесия созданная. А уравновесить непростые отношения Никуши и Маргоши не так-то просто. Машка безобидна.

Она неумна, незлобива... сплошные «не». Розовый цвет по-прежнему любит. И наверняка до сих пор верит в любовь. Прежде на лекциях все романчики женские почитывала, преподаватели только вздыхали. Злиться на Машку было невозможно, да и бессмысленно. Она была очаровательно глупа, но все же не настолько, чтобы отчислить.

Да и родители опять же...

Не сказать, чтобы настолько богаты, как Никушины, но и не бедны...

Средний класс. И средние запросы... И короткий роман с Васькой, скорее всего, Машка искренне его пожалела после той истории с Анной. Как же, несчастно влюбленный... Несчастливая любовь – это ведь почти проклятие, болезнь, которую она взялась лечить. Но лечение надоело, и Машка увлеклась Толиком.

Увлеклась, надо думать, вполне искренне. И замуж за него вышла. Поговаривали, что по залету. Брак продержался лет пять, а закончился разводом, с которого Машка если что и поимела, то потрепанные нервы да двоих детей.

Странно вот так смотреть на них. Свои чужие люди, которых вроде бы и знаешь хорошо, но не оставляет чувство, что это «хорошо» – самообман.

...Пашка вытащил из кармана шоколадный батончик и жует с видом сосредоточенным. Сто двадцать кило, гипертония, шумы в сердце, одышка и увеличившаяся в десятки раз вероятность инфаркта. А был ведь спортсменом. Награды брал. В университетских, конечно, внутренних соревнованиях, но брал же...

...За плечами тоже неудачный брак, из которого ушел едва ли не нищим. Продал родительскую квартиру, торговлей занялся. И вроде как успешно...

Пашка Ваську ненавидел.

За что? До сих пор не ясно, но ведь в универе не упускал случая в дерьмо носом ткнуть.

– Слышь, – рядом присел Толик, который и в прежние-то студенческие времена чувством такта не отличался. – Закурить есть?

– Не курю.

Сигарета – лишь предлог, и Толик уходить не спешит. Садится, вытягивает ноги, устраивается в кресле, делая вид, что именно это кресло просто-таки для Толика создано.

Попросить, чтобы ушел?

– А ты изменился, – Толик первым начал разговор и в молчании выдержал минуты две. – Поднялся крепко...

– Много работал, – нейтрально ответил Стас.

Подмывало сбежать, к примеру, в конец автобуса, где устроились «лишние» девицы.

– Ха, – сказал Толик, вытаскивая из кармана джинсовки жевательную резинку. – Будешь? Страсть до чего курить охота, а сигареты закончились. Прикинь, думал, есть еще, а пачка пустая.

От жевательной резинки Стас отказался.

И Толика разглядывал, уже не скрывая интереса. Постарел. Все постарели, но Толик как-то особенно сильно. Быть может, дело в том, что он, Толик, и раньше выглядел старше своих лет? Он будто бы родился серьезным, хмурым мужиком. Улыбался редко. А когда улыбался, улыбка его выглядела искусственной и натужной...

Единственный сын. Состоятельные родители, которые Машку приняли если не с восторгом, то без всякого возмущения. Квартира подарком на свадьбу и машина, пусть и не новая, но вполне приличная иномарка. Перспективы...

...В Васькином досье значилось, что машину Толик разбил в первый же год. А там и вторую. Пить начал, хотя он и прежде был равнодушен к бутылке, но после универа и свадьбы – запоями.

Лечился.

Кодировался.

Кодировка держалась от силы полгода, потом следовал новый срыв...

Впрочем, это не помешало Машке заиметь двоих детей. Родители Толика терпеливо оплачивали все счета. Последовал развод, квартира и дети остались Машке. Толик вернулся к родителям, чтобы в очередной раз лечь в восстановительную клинику. Выписался месяц тому...

– Работал, значит. Все работают, – брезгливо заметил Толик, расковыривая фантик от жевательной резинки. – Только почему-то одни в начальники выбиваются, а другие до самого гроба на чужого дядю горбатятся!

– Чего ты хочешь?

– Слушай, есть такая вот тема... Однозначно с прибылью будешь! Сто штук вложишь, а через месяц – уже двести! А через два – триста...

...О его мечте быстро разбогатеть тоже в досье писали.

– Учишь тебя, Толик, учишь, а все без толку, – Артемка остановился в проходе. – Вот хоть ты ему, Стас, скажи, что не бывает такого, чтоб человек ничего не делал, а сразу в дамки попал.

Толик насупился и жевательную резинку в карман спрятал.

– Это все ты... – буркнул он.

– Что я? – удивился Артемка, и удивление это было притворным. Он определенно знал, о чем говорил Толик. – Разве я тебя заставлял? Нет, дорогой, ты сам меня нашел. И слезно просил деньги взять. А я, если помнишь, тебя отговаривал. Исключительно по старой памяти... по дружбе, можно сказать.

– Он меня кинул! – пожаловался Толик.

– Я? Ты сам себя кинул! И теперь новых приключений ищешь.

Вину Артемка не признает.

Он никогда-то не признавал за собой вину, даже когда ловили с поличным. Умел вывернуться. Обаятельный... Первый красавец на курсе, за душу которого Маргоша с Никой дрались... На первом курсе дрались, тогда же переспали и поняли, что за этой самой душой, помимо Артемкиного обаяния, ничего и нет.

И сам Артемка потом слезно жаловался: мол, стервы какие...

А он тогда стервец.

Женился. Развелся. Ребенок есть, но Артемке он, как и бывшая супруга, неинтересен...

– Не слушай его, Стас, – Артемка пнул Толика, и тот пусть нехотя, но место уступил, отошел, забился в угол и оттуда вперился в Стаса ненавидящим взглядом. Артемка же, устроившись на нагретом месте, ноги тощие вытянул и сказал: – Идиота не переделаешь. А ты, вижу, неплохо в жизни устроился...

– Нормально.

– Ой, не пой мне красивых песен, дорогой. На твое «нормально» наши стервы слюной уже давятся. Кстати, надеюсь, мозгов хватит с ними не связаться? Сожрут же...

Артемка улыбался широко, радостно...

...Зубы сделал. Помнится, на пятом курсе выбили...

...А ведь ту драку Васька и затеял.

...Из-за чего? Из-за Анны, конечно, из-за нее.

Ваське досталось больше. А спустя неделю его избили так, что тоже трех зубов недосчитался. Было понятно, откуда ветер дует, так ведь не докажешь. Васька и не стремился, кровью плевал и все повторял, что рассчитается.

– Кстати, – Артемкина улыбка слегка поблекла. – Как там Васятка поживает? Все еще злится на меня?

– Понятия не имею.

– Стас, ты мне мозги не пудри. Я-то знаю, что вы с Васяткой – два сапога... и ты точно знаешь, чем он дышит. А потому, будь другом, скажи...

– Я вправду не знаю.

– Васька этот вечер встреч затеял?

– Да.

– А ты?..

– А что я? Я просто помогаю.

– Ага... – В руке Артема появилась блестящая монетка, которую он принялся перекидывать с пальца на палец. – Помогает, значит...

– Вы на пятом курсе из-за чего подрались? – Не то чтобы это так уж сильно волновало Стаса, но раз уж вспомнилось, то почему и не прояснить ситуацию.

– Мы? Да... я уже не помню.

Соврал. И поднялся, отступил с какой-то несвойственной ему поспешностью, за которой Стасу мерещилось раздражение. Но главное, что место пустым не осталось. Маргоша успела первой, а Ника вынуждена была удовлетвориться соседним креслом, с которого согнала Толика.

Протестовать тот не посмел.

– Здравствуй, дорогой, – от Маргоши пахло дорогими духами, да и сама она выглядела дорого. – Ты не поверишь, до чего я рада этой встрече!

Ложь. Или все-таки правда? Она рада, одинокая женщина слегка за тридцать... Пусть и выглядит она превосходно, но глаза все портят. Холодные. Расчетливые. И слегка утомленные, потому что она устала охотиться. В тридцать это сложнее, чем в восемнадцать.

– Неужели? – Стас подмечает и тени под глазами, и легкую одутловатость щек, и складочки на шее, наметившие второй подбородок. О нет, Маргоша не позволит ему появиться, и пусть до этого дня она избегала пластической хирургии, но если вопрос станет остро, то решится.

Ляжет под нож во сохранение капитала своей красоты.

– Конечно, рада... Как ты мог подумать иначе, – легкое прикосновение к щеке.

– Помнится, мы не очень мирно расстались.

...Со скандалом.

И скандалил Стас, позорно срываясь на истеричный визг. Тарелки летели в стену, а Маргоша смотрела вот так, снисходительно и слегка брезгливо, словно недоумевающая, как могло случиться, что он, Стас, с такой легкостью утратил душевное спокойствие.

А ведь утратил.

Было бы из-за чего... Марго выходит замуж? Так ее тоже можно понять. Она хочет устроиться в жизни, а что есть у Стаса? Ничего... Точнее, есть, но он ведь не желает ради Марго помириться с семьей.

– Так когда это было? – ненатурально удивилась Марго. – Сто лет прошло. Неужели ты до сих пор еще дуешься?

И по щеке погладила. Жест близкий, интимный, с намеком на продолжение... Если Стас даст повод, или не повод, ей и намека хватит, чтобы начать действовать.

Более того, даже если он не снизойдет до повода или намека, она все равно будет действовать.

И Ника от закланной подруги не отстанет, даром что глазищами сверкает.

– Дуешься... Ну, Стасик, сам посуди... Кем я была? Простой провинциальной девчушкой, у которой только и имелось, что смазливая мордаха... Или думаешь, мне нравилось спать с этим похотливым козлом? Меня каждый раз выворачивало.

– Еще всплакни.

– Не дождешься, – сейчас Маргоша не солгала. Плакать она не умела. – Я сделала свой выбор, и если о чем жалею, так только о нашем разладе... Прости.

– Простил.

– Замечательно... Слышала, ты до сих пор с Васькой работаешь? Как он?

– Хочешь знать, кто из нас перспективней в плане разработки?

– Все шутишь...

– Какие тут шутки, Маргоша, – Стас взял бывшую любовь за руку и руку поцеловал, оценив и изящество этой самой руки, и стоимость пары колец, ее украшавших. – Я предельно серьезен. Ты же хотела откровенного разговора.

Она пожала плечами, не отрицая, но и не соглашаясь.

– Хотела... Так вот, дорогая моя... Откровенно говоря, ты уже не девочка... И с каждым годом становишься старше.

– Все мы становимся старше, – нейтрально заметила Марго и руку высвободить попыталась, но Стас не отпустил. Сейчас, глядя на нее, задыхаясь ароматом ее духов, он испытывал странное чувство удовлетворения.

Надо же, а прежде Стас за собой этакой мстительности не замечал.

– Все, но не все мы делаем ставку на внешность, – Стас провел пальцем по ладони. – Видишь, морщинки... И лицо поплыло. Ты заботишься о себе. Строжайшая диета, фитнес, плавание, полагаю, еще косметолог регулярный... детоксикация, омоложение... С каждым месяцем все больше времени и сил уходит на то, чтобы сохранить красоту. Но ты готова давать и время, и силы... Только их не хватает, правда? Ты стареешь, а на брачном рынке конкуренция. Хватает молоденьких и жадных, ко всему не настолько стервозных, как ты, дорогая.

– Что ты хочешь сказать?

– То, что я или Васька – это твой последний шанс. Старая любовь не ржавеет, на это ты рассчитываешь?

– Любовь? Помнится, полгода не прошло с нашего разрыва, как ты вторично женился.

– В пику тебе, дорогая, но не жалею. Наш брак был во многом удачен.

Руку он отпустил, и Маргоша ее убрала.

– Не лезь к Ваське, ладно? – попросил Стас, понимая, что просьбу его в лучшем случае проигнорируют.

– А к тебе? – Маргоша поправила прическу.

– Ко мне можешь лезть, но... Извини, я уже слишком старый, чтобы верить сказкам о большой и внезапной любви...

– Жаль, – она поднялась. – Очень жаль, Стасик. Кстати, ты знаешь, Васька ведь сам меня позвал. Сказал, что очень рад будет увидеть...

Еще одна странность, которую Стас отметил. В этой Васькиной затее странностей больше, чем здравого смысла. И оттого на душе неспокойно.

Он обернулся, почувствовав на себе внимательный взгляд, и темноволосая девушка в синем сарафане торопливо отвернулась... Случайный игрок? Или очередная деталь чужого плана?

Понять бы еще, к чему этот план сводится... С этой мыслью Стас закрыл глаза. Он надеялся, что до самой Бередни, за которой начиналась дорога к Васькиной вилле, его оставят в покое.

И не ошибся.

Софью мутило. Ее и в прежние-то времена в автобусах укачивало, но никогда – так сильно.

– Сонь, ты чего? – Лялька сидела рядом и за руку держала. И хорошо, потому что при Ляльке не вырвет... С чего Софья это взяла? Она и сама не знала, но твердила себе, как заклятье, что, пока Лялька рядом, ее точно не вырвет.

Дышала носом.

Считала про себя до сотни, а потом наоборот, от сотни до единицы, но способ этот не помогал. Запах бензина, едва заметный поначалу, стал острым, невыносимым, а стоило закрыть глаза – и перед ними закрутились разноцветные колеса...

– Сонька...

– Ляль, – Софья открыла рот, судорожно сглотнув слюну. – Меня укачивает...

– Таблетку хочешь?

У Ляльки в сумке имелась даже не аптечка – самая настоящая аптекарская лавка, притом что сама-то Лялька болела редко.

– У меня мятные есть. От укачивания. И еще лимонные леденцы, их рассасывать надо. Будешь рассасывать?

– Буду, – пробормотала Софья.

А автобус все ехал.

Свернул с шоссе, выбравшись на проселочную дорогу, и скорость скинул. Водитель машину явно берег, вот и ползла она медленно, в тщетной попытке объехать все колдобины и бугры.

– Укачало? – на соседнее сиденье плюхнулась Машка.

Софья узнала ее по едкому душному облаку духов, сквозь которое пробивался собственный Машкин запах.

– Меня тоже всегда укачивает. А я леденцы ем... Тебя как звать?

– Софья.

Софья представлялась, и значит, этот вопрос – лишь предлог... или Машка и вправду забыла?

– Ой, прости, точно! Софья! Я такая рассеянная стала! Говорят, что после родов оно бывает. У тебя дети есть?

– Нет.

– А почему? Нет, ты прости, если не в свое дело лезу, но дети – это такое счастье! Бесконечное.

– Я пока...

– Понимаю, для себя пожить решила, – Машка похлопала по руке, и как ни странно, но прикосновение это не вызвало обычного для Софьи раздражения. – Мне тоже все говорили, мол, зачем спешить, я еще молодая и все такое... Я сразу после универа и залетела... а аборт делать не стала. Аборт – это же убийство! И я вот смотрю на свою Людочку... Я старшенькую Людмилой назвала. А младшенький – Павличек... И как, если бы их не было? Жуть!

– Конечно, – нейтрально ответила Софья, которой больше всего хотелось, чтобы ее оставили в покое.

– А ты тоже мужа ищешь? Меня Регинка сюда отправила. И главное, так все совпало. Я прям удивилась, когда Толика увидела, а потом подумала, что не зря оно так. Мы с ним не очень хорошо разошлись, а Регинка знает что говорит? Что пока со своим прошлым не разберешься, то и будущего у тебя не будет. А мне будущее надобно... Тогда получается, что с Толиком помириться надо... и с остальными тоже.

– А вы ссорились? – поинтересовалась Лялька, придвигаясь вплотную. Софья мысленно пожалела, что поддавалась на Лялькины уговоры и села на заднее сиденье.

Глядишь, впереди бы укачивало не так сильно.

– Ой, тут такое... Ну, как ссорились?.. Вроде никто и ни с кем не ссорился...

– А на самом деле?

– Ну... вот Маргоша когда-то Стаса кинула, а теперь небось локти кусает... или нет. Маргоша такая стерва! – Машка закатила глаза. – Ника ничуть не лучше... Они на пару когда-то дружили... И я, конечно, только теперь у меня семья, а эти...

– Машка, хватит сплетничать! – одернул Машку Павел. – Можно подумать, кому-то твои рассказы интересны...

– Еще как интересны, – тихо проговорила Лялька, но Машка замолчала, насупилась, только сказала:

– Вы поперед Маргоши не лезьте. А то со свету сживет, как Аннушку...

– Кто такая Аннушка? – Лялька спросила это шепотом, но Машка вдруг мотнула головой и сказала:

– Так, никто... я просто вдруг... Пойду, наверное.

Все «страньше» и «страньше».

– Знаешь, – Лялька сунула в руку карамельку, надо полагать ту самую, лимонную, антиукачивающего свойства, – мне эта затея перестала нравиться.

Но было поздно: автобус прибыл к месту назначения.

Вилла «Белый конь» в местные пейзажи не вписывалась категорически. И Софья, выбравшаяся из автобуса, смотрела и удивлялась: кому это в голову взбрело выстроить... этакое?

Беломраморное чудо возвышалось на холме.

С холма сбегала дорожка, окаймленная неряшливым кустарником. Слева виднелся запыленный лужок, сквозь зелень которого проглядывала земля, справа – лес, но тоже какой-то некрасивый, низкий и грязноватый.

За холмом начиналась деревня, и вид домов, обыкновенных, деревянных, с облезлыми стенами, кирпичными трубами и черепичными крышами, резко контрастировал с мраморным великолепием виллы.

– Офигеть, – выразил общее мнение Пашка.

– Стасичек, – Марго решила далеко от добычи, которую уже полагала своей, не отходить. – Скажи честно, что ты пытался его отговорить...

Массивная дверь приоткрылась, выпуская человека вида преудивительного. Софья даже про тошноту забыла. Человек был высок, пожалуй, выше на голову брюнетистого Стаса. И широкоплеч. И лыс... Уши его оттопыривались, некогда сломанный нос отличался удивительной кривизной. Одет человек был в спортивные шорты с широкими лампасами и рубашку-гавайку, застегнутую на одну пуговицу.

На ногах – шлепанцы.

На носу – очки в тонкой золотой оправе. И деталь эта, чересчур стильная, несколько диссонировала с общим обликом человека.

– Прелесть какая! – прошептала Лялька. – Держите меня семеро...

А сама вцепилась в Софью.

– Васька! До чего же я рада тебя видеть! Хоть что-то в этом мире не меняется! Ты по-прежнему раздолбай...

Маргоша обняла его, приникла к широкой груди, и пожалуй, чересчур уж приникла.

– Я ей глаза выцарапаю, – буркнула Лялька. – И космы крашенные повыдергиваю...

– Признайся, скучал?

– Конечно, дорогая, – Васька осклабился, блеснув зубами. – Как это я мог по тебе да не соскучиться? Страдал безмерно. Слезы лил...

– А по мне? – мурлыкнула Ника, бросив на Стаса раздраженный взгляд, будто бы он, Стас, был виновен в том, что пригласил Марго.

– И по тебе, моя прелесть, – Васька обнял обеих, а Машка с визгом повисла на могучей его шее. – И по тебе, Машуля... Ты ж мое солнце... Похорошела-то как! Но прошу в дом, прошу...

В доме пахло пирогами.

И солнце, пробиваясь в витражные стекла, рисовало на паркете картины-тени.

– Неплохо устроился, – произнес Артемка, оглядевшись. – Прямо Италия на дом...

– А мне здесь нравится, – заметила Лялька, озираясь совершенно по-хозяйски.

И не только ей.

Маргоша прищурилась. Никуша вздохнула, громко, томно.

– Васька, может, скажешь, чего ради мы здесь собрались? – произнес Павел тонким голосом и, остановившись в центре очередной гостиной, выполненной в бежево-золотых тонах, вытер пот.

– Скажу, конечно, скажу! Но сначала по комнатам... Отдохнуть с дороги, душ принять... а там обед... За обедом я все скажу...

В Васькином доме пахло сдобой. И вновь запах этот пробудил воспоминания.

Первый.

Второй... Как в школе, на первый-второй рассчитайся. Он всегда был вторым. Стоял самым последним в позорном школьном ряду, потому что ростом не вышел. Нет, в старших классах он вдруг вырос, как-то быстро и всего за одно лето, премного огорчив мать, которая опять заговорила о том, что после школы его содержать не сумеет. И про университет думать он не должен. Высшее образование развращает душу. Образование вовсе развращает, и будь мамина воля, она запретила бы ему ходить в школу.

Но не о том, о линейке школьной... о девчонках, которые стояли рядом и хихикали, потому что он был ниже и слабей. Об играх дурацких и жестких школьных мячах, летевших в него... о синяках и собственном бессилии, унижительном.

...О том случае в раздевалке, когда Генка из параллельного класса, здоровый и агрессивный, даром что тупой, зажал его в углу и, стянув трусы, в лицо ими тыкал, приговаривая:

– Жри, жри давай...

Надо было убить Генку.

Но тогда он не умел убивать и сучил ногами, плакал, пока не пришла уборщица, которая обоих погнала. Трусы Генка повесил на елку в школьном дворе и подписал еще...

...Вызывали маму, и после беседы с завучем она сказала:

– Господь велел терпеть.

Терпеть ему не хотелось, а хотелось сделать что-то этакое, чтоб его зауважали.

Если найти Генку сейчас, то... вспомнит ли? Наверняка в его памяти все выглядело иначе, память, она вообще шутки шутить любит. Генка, скорее всего, вырос, обзавелся работой, семьей, детьми и сонмом дурных привычек, с которыми он борется, но вяло.

И удивится, если его вдруг убьют за школьные шалости.

Станет спрашивать:

– За что...

Она, его вторая, тоже спрашивала. Лепетала, глядя в глаза, до последнего, пусть он утратил способность слышать ее голос, но угадывал вопрос по шевелению губ, по тающему взгляду.

За что? За предательство.

Со времени Анниной смерти год прошел. Поначалу дни летели быстро. Он с удивлением понял вдруг, что способен жить. Анна появлялась по ночам, не мучила, скорее уж сны его, яркие, такие настоящие, доставляли извращенное удовольствие. И он просыпался полным сил.

Но сны тускнели. И время замедлялось. Он вдруг осознал, что вскоре эти сны иссякнут. Испугался.

И задумался... Нет, мысль об убийстве пришла в его голову не сразу. Все-таки тогда он еще был – или казался? – человеком нормальным. Но не повезло встретить ее.

Галина. Ей не шло это имя, пожалуй, как и драповое пальто с меховым воротником. Кроличий мех выкрасили в ярко-синий цвет, и он выделялся ярким пятном на тусклой остановке.

Весна была. Конец апреля, но весна в тот год выдалась на редкость слякотной, холодной. Солнце и то появлялось редко, и он сходил с ума в этой серости, вырваться из которой не имел сил. Он чувствовал, как растворяется в бесконечных дождях, в пустоте городских улиц, и кричал, понимая, что услышан не будет.

А тут она.

И пальто это. И сумка огромная, из тех, в которые спокойно помещаются два пакета с молоком и буханка хлеба. Хлеб она и ела, приоткрыв замок, совала в сумку руку, отламывала кусок и жевала с задумчивым видом.

Он же, не выдержав, попросил:

– Поделитесь.

От хлеба вкусно пахло жизнью, и от нее самой – тоже.

– Свежий, – сказала она, протягивая кусок. – Я на хлебозаводе работаю и...

...Галина. Мастер по цеху. Он уже забыл, по какому именно цеху, да и не было это важным. Она приехала в город из маленькой деревеньки в отчаянной попытке не завоевать, но зацепиться здесь, устроиться.

И, как ни странно, получилось.

Училище. Замужество. Развод спустя три года. И однушка на окраине в качестве откупных. Свекровь ненавидящая, пусть с развода уже минуло изрядно. Бывший супруг, раз в квартал появляющийся на пороге в очередной попытке наладить все, как было.

Одиночество. И понимание, что близится еще не старость, но увядание.

Первые морщины и седина, к счастью, незаметная в светлых ее волосах. Мысль о ребеночке, которого надо бы родить, для себя... Но от кого? Пустота вокруг.

И эта остановка с автобусом, который опаздывает. Галина рассказала это ему не сразу, просто он появился там же через день, надеясь зацепиться за нее и запах хлеба. И снова... и опять... и решил пригласить на свидание. А она согласилась.

Была прогулка.

И первый солнечный день. Галина вырядилась в нелепое платье из искусственного шелка. Они шли по дорожке, держась за руки, а она говорила и говорила. Он же разглядывал ее стареющее лицо, удивляясь тому, что сам не заметил, до чего эта женщина похожа на Анну.

Разрез глаз.

И форма губ.

Нос, подбородок. Анна проглядывала в ее чертах, чтобы спрятаться, когда его внимание станет слишком уж назойливым. А он вновь опасался ее потерять.

Свидание закончилось в постели, в ее, Галины, квартире, крохотной и обжитой, наполненной тем же запахом сдобы, а еще – керосина... Окна дома выходили на дорогу, и за стеклянной пленкой окон гудела жизнь.

Галина оказалась стеснительной.

Ему это нравилось. Кажется, тогда он почти поверил, что сможет жить так, как живут другие... Нормально. Странное слово. Глупое.

Что такое норма?

Правила, принятые большинством, к которому он никогда не относился. Но искушение было велико. И что с того, что Галина старше его? С ней уютно... В ее квартирке он словно бы прятался от остального недружелюбного мира...

Она сама виновата в том, что произошло.

И еще бывший ее муж, который появился в самый неподходящий момент. Он был здоровым и злым.

– Придунок, – кинул он с порога и, переведя пустой стеклянный взгляд на Галину, произнес: – С малолеткой связалась? Дура!

– Ильюшенька, ты опять набрался.

Галина вдруг смутилась и покраснела.

– Тебе домой надо...

– Тут мой дом, – уходить бывший не пожелал. И, не разуваясь, прошел на кухню, где Галина уже приготовила ужин. Стол накрыла на двоих... Бывший сел на его место и ногу за ногу закинул. – Ну? Чего встала? Подавай!

– Вам следует уйти, – сказал он.

Что им двигало? Желание защитить Галину? Или же острая неприязнь, возникшая к этому огромному и тупому человеку?

– Чего? – бывший повернулся и смерил его презрительным взглядом. – Гуляй, пацан... Пока кости целы.

От бывшего несло пивом и потом. Вонь эта перебивала сытный хлебный аромат. А черты лица Галины в желтом свете лампы изменились. Выглянуло нечто... неприятное.

Омерзительное.

– Уходите, – тогда он решил, что во всем виновен именно этот огромный и вонючий боров, который и не вздумал уходить. Он медленно поднялся.

Шагнул.

Обдал вонью немытого взопревшего тела. И от вони этой человек едва не задохнулся. А может, все-таки задохнулся и потерял сознание, очнувшись уже на полу. Грудь болела. И спина. А вокруг, переливаясь в электрическом сиянии ламп, лежали осколки разбитого дерева.

– Ты, Галка, попримичней никого найти не могла? – В голосе борова не было злости, лишь вяловатое удивление. А Галина молчала.

Глядела с упреком. Полотенце дала и тихо сказала:

– Уходи...

Ушел.

С полотенцем, хромая, пытаясь отрешиться от тянущей боли в груди. Он не вернулся в общагу, но сел у подъезда, надеясь, что сейчас боров выйдет и... Что будет дальше? Он не знал... Просто выйдет...

Даже тогда он не хотел никого убивать.

Время шло. Он устал сидеть. Ко всему выглянула соседка, злая старушенция со злой же пакостливого характера собачонкой, которая вечно норовила его цапнуть.

– Что, Галкин супругчик объявился? – поинтересовалась старушенция, и в голосе ее, помимо обыкновенного любопытства, прорезалось сочувствие. – А ты под горячую руку, значит... Пошли.

Собачонка и та не стала лаять.

А он поднялся вслед за старухой, которая жила этажом выше. В ее квартире царил характерный аптечный дух. Старуха же, забрав полотенце, измаранное кровью, тапочки сунула и велела:

– На кухню иди.

...Тогда он понял, что звукоизоляция в этом доме отвратительная...

...Слушать стоны, весьма характерные, было неприятно. Галку он узнал, ее лепечущий, словно извиняющийся голос...

– Вот же... Никакого спасу нет, – сказала старушенция, разливая чай по старым чашкам. – Как заявится, так... Галка дура. Сколько раз ей говорено было, чтоб гнала этого козла! Сам не пойдет, так с милицией. Против милиции-то он не посмеет...

Чай был безвкусным.

– Так нет же, все надеется, что Ильющенька ее терпение оценит. Сама себе жизнь рушит. Ты не думай, что Галка шалава... Любит она его. Дуры мы, бабы... Тех, кто нас любит, не замечаем, а за иными уродами готовы босиком да по стеклу...

Собачонка, взобравшись на табурет, уставилась на него круглыми желтыми глазами. Тоже сочувствовала?

– Так что не будет у вас с ней жизни. Ильюшка теперь, пока тебя не отвадит, никуда не денется. Будет заглядывать каждый день, а то и вовсе поселится... Ну а после, известно, как ты сгинешь, так враз интерес и потеряет, – старуха пила чай маленькими глоточками. – Ссориться начнут. Скандалить...

– И часто?..

– Да на третий день, почитай. Как по расписанию. Потом он ей глаз подобьет или так синяков наставит, и сгинет к мамочке своей. Галка отлежится, поплачется за несчастную свою любовь и тоже угомонится...

Старуха оказалась права. Когда он на следующий раз появился, дверь открыл Галкин бывший, временно обретший статус настоящего.

– Чего надо? – спросил он, почесывая брюхо.

– Вещи забрать.

– Вот! Разумный пацан! – на плечо рухнула тяжеленная ладонь. – Правильно мыслишь! Вещи Галина собирала сама и взгляд отводила, вздыхала, однако оправдываться не стала...

Любит?

Неправильно это... Разве можно любить такого урода?

...Они и вправду продержались три дня.

Человек следил. Одолжил бинокль и устроился на крыше соседнего дома... Благо дома стояли тесно, а на чердачной двери висел замок, с которым он управился быстро.

Три дня.

И чужак на кухне, на его месте, сидит, ест из его миски и спит с его женщиной. Метит... Женщина покорна и счастлива в этой покорности.

Вот что им надо!

Силу.

Грубую пустую физическую силу...

...Он купил капроновую веревку и перчатки.

И еще шапочку, какую обычно лыжники носят...

...Он дождался очередной ссоры и хлопнувшей двери. Бывший вылетел во двор и со двора ушел, едва ли не столкнувшись со старухой... Собачку пнул... Пусть идет.

Спуститься легко. Подняться еще легче. Сердце стучит, рождая неясное волнение. Дверь открыл ключами. Вошел... Она не успела обернуться.

И наверное, удивилась, что умирает. Она увидела его отражение в старом серванте и хрипела, сучила ногами... таяла... а он испытывал огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Он оставил тело в коридоре, аккуратно уложив. И полы халата ее запахнул, перехватил пояском. Склонившись к самому лицу Галины, вдохнул сладкий аромат сдобы, который почти исчез, стертый другими запахами – дешевого вина и грязного мужчины. Его присутствие еще ощущалось в квартире.

Человек вышел за дверь, оставив ее приоткрытой, почти не сомневаясь, что соседская дрянная собачонка не удержится, заглянет в квартиру... Соседка выходила гулять в половине десятого, сразу после вечерних новостей...

Он успевал вернуться на крышу. И уже оттуда, скрываясь в прозрачных летних сумерках, наблюдал за развернувшимся действием.

Соседка не подвела.

Первой приехала машина «Скорой помощи», затем показался и серый грязный милицкий «уазик». Люди засуетились. Он узнавал их, обычно равнодушных, но теперь взбудораженных чужою бедой. Стояли, переговаривались. И к появлению его, Галининого бывшего, отнеслись настороженно. Он же, глядя на машины, не понимал, зачем они здесь, раздражался...

...Повязали.

...Не тронули бы, когда бы он, опьяненный чувством собственного над всеми превосходства, не полез в драку. Он ведь всегда доказывал свою правоту боем.

...Посадили.

Было следствие, и к нему приходили тоже, снова опер, на сей раз не молодой и не старый, и уставший, бывают такие люди, что и на свет появляются утомленными. Этот носил старенькую куртку с круглыми кожаными вставками на локтях и имел привычку громко и тоскливо вздыхать.

– Значит, вы с потерпевшей расстались? – спросил он.

– Да.

– Из-за ее бывшего мужа?

– Да.

– Вы вот просто так взяли и отступили? – В этом вопросе слышалось не сомнение, но подвох.

– Отступил. Не потому, что он сильнее... Хотя он да, сильнее. И в первую нашу встречу меня избил. Я не стал заявлять. Понимаете, я понял, что ей не нужен. Она ведь не попыталась просить о помощи, вообще вмешиваться. Она так на него смотрела... С восхищением... Я просто понял, что лишний там.

Он надеялся, что его рассказ, вполне искренний, звучит правдоподобно.

– Хотя, конечно, я надеялся... Долго сидел у подъезда. Понимал, что это глупо, но все равно сидел. Думал, что он вот уйдет, а я вернусь...

...Это же расскажет соседка и от себя добавит про те кухонные посиделки с чаем и ее утешениями.

– Не получилось. Это он убил Галочку?

Хотелось однозначного ответа, но опер вдруг хмыкнул:

– Кое-что не сходится...

– Что?

– Во-первых, обвиняемый, как вы сами заметили, характера вспыльчивого. Да, такой способен убить. Скажем, в драке. Или припадке ярости. Но готовиться, купить шнур... Завязать узелки, чтоб из рук не выскользнул... душить. Это указывает на совсем другой тип личности.

Проклятье.

– Во-вторых, зачем ему возвращаться? Если он решил избавиться от бывшей жены, то нет ничего более глупого, чем избавляться вот так. Сначала поскандальить, чтобы все слышали, убить, уйти и вернуться как ни в чем не бывало.

– И что вы думаете...

– Что я думаю? – опер вдруг усмехнулся. – А вам-то что за интерес?

– Я ее любил.

Сказал и сам себе не поверил. Он любил? Галину? Запах ее тела, сдобный и сладкий, живой. Само это тело, тоже сдобное и мягкое. Голос тихий и вечерние рассказы о работе в цеху, о коллегах, среди которых завистников много, хотя, казалось бы, чему там завидовать?

Любил знакомые черты лица...

– Любили... Вам, наверное, больно...

– Да.

Не было больно. Но он знал, что люди, обыкновенные нормальные люди испытывают боль, теряя близких. А Галина, пожалуй, все-таки была ему близка.

– Что ж... Я думаю, очень интересно, где в это время были вы...

– Я?

Тогда он не озаботился алиби, понадеялся, что, получив идеального обвиняемого, следствие не станет слишком усердствовать.

– Вы. Вы довольно молоды, но в то же время успели уже перенести потерю... Кажется, год тому назад трагически погибла ваша подруга...

– Какое это имеет отношение?

– Может статься, что никакого... А может... Она ведь тоже была задушена, верно? Изнасилована и задушена... А убийцу так и не нашли. К слову, Галина на нее похожа, верно?

– Никогда об этом не думал.

– Не думали? Или не желали думать? Вряд ли вы вообще не замечали этого сходства... Но, возвращаясь к той истории, – девушка предпочла вам другого... Вас это огорчило?

– Конечно, меня это огорчило! – Он вскочил, испытывая не гнев, не раздражение, но страх.

И желание убить этого чересчур назойливого, слишком умного опера, который играл...

– Или вас не огорчило бы, если бы ваша любимая сказала... Извини, но давай останемся друзьями... А потом... – Он махнул рукой. – Собираетесь повесить это дело на меня?

– Нет, – опер встал. – Хотел бы, но доказательств не имею. Вынужден признать, что если это вы, то сработали чисто... профессионально.

...Посадили все-таки бывшего.

Дали десятку...

Наверное, это было справедливо. Во всяком случае, ему казалось справедливым. И единственное, что смущало, – чересчур пристальный взгляд того опера.

Будет присматривать? Пускай. Он уже решил, что в следующий раз не оставит тела...

Следующий раз? Именно. Убийство было ему необходимо... Это ведь нормально. У всех людей имеются потребности. Дышать. Пить. Есть... Ему вот нужно убивать.

Так почему бы и нет?

Софья не усидела в комнате, пусть бы и комната эта оказалась чудо до чего хороша. Светлые обои, белая, какая-то невероятно легкая мебель, и полное ощущение ирреальности происходящего.

– Прикольно, – сказала Лялька, которую разместили в соседней комнате, отличавшейся от Софьиных покоев разве что цветовой гаммой – Ляльке досталась бледно-зеленая.

– Мне здесь не нравится, – Софья притворила за собой дверь и к ней же прислонилась.

Лялька отмахнулась: она прилипла к окну.

– Глянь, выгуливают уже... Вот это наглость!

Вдоль кромки леса прогуливался хозяин виллы, на левой руке которого повисла Маргоша, на правой – Ника.

– Какая прыть! – восхитилась Лялька, засовывая в рот карамельку. Грызла она ее с остервенением, выдававшим глубокие душевные муки. – Когда только успели-то?

Маргоша переделалась в сарафан, ярко-красный, из какой-то легкой текучей ткани. На Нике была длинная кожаная юбка, сидевшая столь плотно, что даже с расстояния Софья удивилась, как это Ника вообще в юбку влезла.

– Надо отсюда уезжать, – Софья отвернулась от окна. Какое ей, собственно говоря, дело до того, с кем гуляет хозяин виллы?

Или его смуглый друг?

Тот не гулял, вышел на террасу, сел в низкий лежак и наблюдал за троицей с превеликим интересом.

– Зачем?

Лялька вытащила из груди шмотья театральный бинокль.

– Затем, что здесь явно все собралось не случайно. А твоя сваха...

– Она не моя.

Лялька с биноклем переместилась к окну.

– Хорошо, но не твоя сваха что-то явно темнит... И мне просто здесь не нравится.

– Почему?

– Лялька, ты что, и вправду не понимаешь?

Лялька мотнула головой: мол, не понимает. Ей было если не весело, то во всяком случае увлекательно.

– Здесь происходит что-то смутное... Скороспелый богач вдруг приглашает в гости бывших сокурсников, с которыми прежде был в не самых лучших отношениях. Ностальгия замутила? Или захотелось блеснуть достижениями? И все соглашаются, едут... Все и мы, две посторонние дуры...

– Почему дуры?

– Потому что согласились на эту авантюру. – Софья села на кровать и пару раз на ней подпрыгнула. – Замуж захотели... Но вообще тебе не кажется, что все это напоминает начало какого-то ужастика?

– А я думала, – с сомнением произнесла Лялька, – что это у меня живое воображение. Успокойся, Сонь. Ну да, захотелось человеку похвастать. Прикинь, если в универе его все гнобили, а он поднялся. И разбогател. И все эти... гнобившие его будут теперь кругами виться.

– Как акулы.

– Почему?

– Потому что именно акулы кружат, прежде чем на жертву напасть.

– Сонь... ну ты перебарщиваешь. Да и сама подумай, уйти мы всегда успеем. Ограды нет. Собак вряд ли выпускают, до станции пара километров пешком, ну так одолеем при случае...
Погоди.

Софья погодила.

Как ни странно, ужин прошел в атмосфере почти теплой и чем-то дружеской. Дружить все пытались со Стасом и Васькой, который к ужину переделался, облачившись в белую рубашку с серебряной искрой и джинсы, тоже белые, без искр, зато с тщательно заутюженными стрелками. По правую его руку устроилась Маргоша в умопомрачительном вечернем туалете, по левую – Ника...

– Софья Павловна, – Витюша, облачившийся в небесного колера костюм, присел рядышком. – А вы мужа себе ищите, да?

– Нет, – огрызнулась Софья, вовсе не жаждущая общения.

– Тогда зачем вы здесь?

– Жизнь менять, – она ответила чистую правду, и Витюша смутился.

Смущался он легко, краснел, вздыхал и вертел в руках серебряную трехзубую вилку.

– Как интересно! – воскликнула Машка, подвигаясь к Витюше под бок. – А мне тоже психолог сказала, что я должна изменить свою жизнь! И я решила учиться на дизайнера!

– О да, – бывший Машкин супруг пил воду.

Из бутылки. Хмурился, бутылку отодвигал, оглядывал стол в поисках чего посущественней воды, но не находил. И вновь тянулся к бутылке.

– Ты у нас, дорогая моя, и экономистом побывать успела, и консультантом по красоте...

Маргоша фыркнула.

– Теперь вот в дизайнеры подашься...

– И что? Я развиваюсь как личность! Тебе этого не понять!

– Девочки и мальчики, – Артем оторвался от тарелки, чтобы окинуть собравшихся насмешливым взглядом. – Давайте жить дружно! Ну или хотя бы сосуществовать мирно.

Это его предложение было встречено настороженным молчанием.

Его хватило до конца ужина, к слову, довольно простого, хоть и сытного. Но как-то не увязывались в Софьином сознании отбивные и вареный картофель с виллой...

После ужина состоялась экскурсия по дому. Вел хозяин, причем выглядел он не слишком-то довольным, верно, и сам начал разочаровываться безумной своей идеей. На правой руке его повисла Ника, которая поглядывала на соперницу с превосходством, но Маргоша, занявшая левую руку, взглядов не замечала. Во всяком случае, делала вид, что не замечает.

– Значит, – раздался над ухом вкрадчивый голос, – вы приехали не мужа себе искать?

– Именно.

– Отчего ж? – брюнет придержал Софью за локоток. – Не спешите. Там не будет ничего интересного. Комнаты, комнаты и снова комнаты... Или вы тоже решили развивать в себе личность и оттого испытали внезапный интерес к интерьерам?

– Не испытала, – руку его хотелось стряхнуть, но это выглядело бы смешно. А Софья совершенно не хотела показаться смешной.

– Вот и замечательно. Если же вдруг желание возникнет, скажите, я вам индивидуальную экскурсию устрою... – он поклонился и ручку поцеловал.

– Ручку отпустите! – потребовала Софья и, когда Стас подчинился, спрятала ее за спину. – Что вы себе позволяете?

– А что я себе позволяю?

Действительно... Чего это она?

– Извините, я... Я просто нервничаю немного.

– Извиняю, – легко согласился Стас. – И предлагаю пройти на террасу. Вечер. А по вечерам воздух здесь удивительно свеж. Уже одно это оправдывает безумную Васькину затею. Знаете, он родом из этих мест. Там, километрах в пяти, если дальше по дороге, деревенька есть. Пушаны называется. Васька там родился. И жил, пока не сбежал учиться.

– Сбежал?

Софья оглянулась, убеждаясь, что экскурсия, возглавляемая хозяином дома, уже растворилась в беломраморной громадине. Можно было бы, конечно, броситься на поиски, но... зачем?

– Сбежал, – согласился Стас, глядя на Софью как-то... оценивающе? – Его родители высшее образование считали пустой тратой времени. У них кроме Васьки еще пятеро детей было. Он старший. И соответственно должен был после школы идти работать. У вас есть братья или сестры?

– Нет.

– Один ребенок, значит.

– Да...

Софья вздохнула. Порой ей хотелось, чтобы у нее появилась сестра. Ну, или брат. Она согласна была делиться и комнатой, и игрушками, но... не сложилось.

– Васька – существо ответственное, но тут и он взбунтовался. Получил паспорт... Делали, чтобы на работу устроить, и сбежал. Поступил он не сразу. Нашел в городе работу. Зацепился... Ну и да, репетиторы, конечно. У него мечта была выучиться и разбогатеть.

– Вижу, что исполнилась.

Стас вывел к стеклянной двери, которая распахнулась сама.

А воздух и вправду хорош, прозрачный, хрустальный воздух, которым дышишь, что пьешь. Лес в лиловой дымке. Небо синее. Солнце желтое. И тоска отпускает... А Софья не знала, что эта тоска есть. Думала, что все изжилось, прошло.

– Исполнилось, – задумчиво произнес Стас, опираясь на перила.

– Зачем вы мне все это рассказали?

– Просто так. Вдруг вам все-таки муж понадобится...

– Предлагаете вашего друга?

– Почему бы нет.

– Ну... Мне показалось, на него и так охотниц хватает.

Стас провел ладонью по перилам и глухо повторил:

– Вот именно, что охотниц... Вы же видели.

– Это не мое дело.

– Проще всего сказать, что дело не ваше, и отойти в сторону. Как правило, так и поступают...

– А вы хотите, чтобы я сказала, что дело мое, и немедленно ввязалась в сражение за голову вашего друга? Ах нет, простите, не за голову, но за руку и сердце.

Он неожиданно расхохотался.

– Вы злюка, оказывается... А поначалу мне показалось, что вы вовсе на эмоции не способны.

– Почему? Способна. Просто... не понимаю. Зачем вы так активно его сватаете?

– Потому что мне не нравится его затея.

Стас оперся на перила.

Воздух пах хвоей. И еще травой. И едва уловимо – осенью... Не той, которая в город приходит дождями и сединой ранних заморозков поутру. Но далекой, призрачной еще, чье дыхание желтит березовые листья и рождает зыбкое марево тумана... Птицы поют.

А Софья уже забыла, каково это, когда птицы поют. На даче рядом с речушкой жили соловьи. А может, и не жили, но просто прилетали, и мама ходила их слушать...

– Васька иногда делает что-то, что кажется совершенным безумием, а потом оказывается, что в этом безумии имелась своя логика. Но я за него беспокоюсь. Он мне, считайте, как брат... единственный, который настоящий.

– У вас есть братья?

– Есть, но мы не особо ладим... и с сестрами тоже. Я, если можно так выразиться, в семействе своем – паршивая овца.

– Почему?

– Вам так интересно?

Он выглядел печальным... Романтичный образ, опасный для девичьего сердца. В такого и влюбиться недолго. Софья вдруг с тоской поняла, что никогда не влюблялась так, как положено девице, чтобы до потери здравого смысла и бабочек в животе, – слишком благоразумна.

– Нет, неинтересно, но... разговор такой складывается, – она присела на лежак. – Если, конечно, вам хочется говорить...

– Да... сам не знаю, – Стас остался у перил. Он стоял, согнувшись, опираясь на балюстраду, и глядел исключительно в сторону леса.

Красивый.

Нет, может, и вправду влюбиться?

Лялька бы одобрила... Лялька категорически не понимала, как можно жить холодным разумом. Ну, допустим, не совсем чтобы холодным, но исключительно разумом.

– У меня есть старший брат. И младшая сестра. Не скажу, что меня любили меньше, чем их... или что недостаточно баловали, и любили, и баловали. И надежды возлагали. Наверное, все родители возлагают на детей надежды. Мой отец довольно состоятельный человек. За последние годы стал еще более состоятельным. Мой путь был предопределен с рождения. Я обязан был закончить школу с золотой медалью, поступить в университет... и не лишь бы какой, но исключительно столичный... получить диплом, а за ним и место в папиной фирме...

Нервно, надрывно закричала птица, и голос ее заставил Софью вздрогнуть.

Следом воцарилась тишина.

А ведь и вправду хорошая сцена... Затерянная усадьба, ладно, не усадьба, но вилла в лесах... Станный хозяин и не менее странный приятель его... Жуть какая в голову лезет.

– В школе я учился из рук вон. Быстро понял, что многое мне спускают. Не скажу, что это меня злило, скорее уж я уверился в собственной исключительности. Сама понимаешь, ни к чему хорошему это не привело. Знаешь, за некоторые мои выходы мне и теперь стыдно. Вернее, именно теперь и стыдно. Но тогда... Отец улаживал все конфликты. Попытался на меня воздействовать, но я ведь не слушал. Я был уверен, что сам со всем разберусь. В одиннадцатом классе я подбил пару... приятелей, если можно так назвать. В общем, мы ограбили пивной ларек. Не потому, что нам так уж нужны были деньги. Отец в тратах меня не ограничивал. Но кураж... и ощущение собственной силы... Дурь подростковая, которая перла во все щели.

– Вас взяли?

– Взяли. Ларек мы вскрыли без проблем. Унесли... Да по мелочи унесли. Пива еще, орешков. Ерунду всякую... Ну а городок был небольшим. Так что особо и искать не пришлось. Главное, я был уверен, что отец и сейчас меня отмажет. Всегда ведь отмазывал... А он не пришел. Я сутки провел в КПЗ, и не скажу, что эти сутки на пользу мне пошли. В общем, когда отец появился, я был очень зол.

Стас наклонился, пытаясь рассмотреть что-то внизу, в тумане, который постепенно выбирался за кромку леса, подползая к дому.

– Когда он пришел, я высказал ему все, что думаю. Ну, сама понимаешь, отца это не обрадовало. Мне был выдвинут ультиматум: или я берусь за ум, или выпутываюсь сам. Я с презрением отвернулся. Был уверен, что куда-то он от меня не денется.

– А он?

– Он ушел.

Стас молчал.

– Мне дали условный срок. И знаешь, я до последнего не верил, что все по-настоящему. Суд... и обвинение... и я на скамье подсудимых. И родных в зале – никого... Вроде бы и сам кругом виноват, но попробуй признай это. После суда я явился домой, устроил скандал, из дома меня выставили. Нет, отец дал денег, но надолго их не хватило. Меня Васька спас...

Софья обняла себя. Прохладно. В ее комнате осталась вязаная кофта, которую мама купила... Четыре года назад, и кофта старая, с растянутыми рукавами, с катышками, надо бы новую найти, попримочнее, но ей не хочется. Цепляется за прошлое? Если так, то не только она.

– Он меня подобрал и к себе приволок. Пьяного, избитого, без денег. Документы, слава богу, сохранились. Васька заставил за ум взяться. На работу пристроил. И учиться заставил.

Мы вдвоем поступали. Конечно, не в столичный университет... но ведь поступили. А после первой сессии отец заявился, предложил перевести, раз уж я исправился.

– А ты?

– А я послал его куда подальше. Не потому, что обижался... Хотя нет, вру, все еще обижался, но... Я вдруг понял, что способен жить своим умом, а это многое значит.

Стас замолчал.

Софья не спешила. Она почему-то думала не о его проблемах, которые остались в далеком прошлом, а о собственных родителях. И еще о том, что у нее-то никогда своим умом жить не получалось. Нет, наверное, она смогла бы, но зачем?

Университет выбрали родители. И специальность выбрали. Софья не чувствовала, что выбор этот ее тяготит. Работу свою она не то чтобы любила, но и нельзя сказать, чтобы ненавидела. Работа... это только работа.

– Потом мы решили открыть собственное дело... Отец отказался помогать. Если я сам умный, то... Ну хоть мешать не стал, и на том спасибо. Пару лет мы вкалывали, как ломовые лошади... Я квартиру продал, что от бабки осталась. Они с отцом тоже не ладили, вот она мне ее и завещала. В общем, как-то вот так... Ах да, я развелся. Детей нет.

– Я не разводилась. Но детей тоже нет.

– Видите, как все замечательно складывается!

– Не вижу, – честно ответила Софья.

– И я не вижу. Сложно все, – Стас запрыгнул на перила. Сел он спиной к лесу и к туману, и Софья не могла отделаться от ощущения, что Стас сейчас упадет.

– Ваш друг... Не просто так собрал всех этих людей?

– Верно.

– А мы?..

– Не знаю. Или случайные люди... Или не случайные.

– И что нам делать?

– Подождать, – Стас мотал в воздухе ногами и наклонялся, весьма опасно с точки зрения Софьи наклонялся. Еще немного – и упадет.

– В конце концов, ничего страшного пока не произошло, – как-то не очень уверенно произнес он. – Отдохнете... присмотритесь... Вдруг да Васька вам понравится.

– Боюсь, в таком случае меня могут похоронить где-нибудь... вон там, – она махнула рукой в сторону леса.

– Ваша правда, – хмыкнул Стас и снова замолчал.

Софья не мешала.

Посторонний человек, и, пожалуй, он все равно ей не нравился, но молчать рядом с ним было удобно.

– И все-таки, – в какой-то момент ей показалось, что эта пауза, на двоих, чересчур затянулась. – Зачем все эти люди собрались здесь? Поначалу я думала, что ваш друг просто похвастаться собирается... Ну, так бывает. Встречи выпускников и все такое... Когда каждый чем-то да пытается... Он богат, а они...

– В этом есть своя правда.

– Но не только? Если бы хотел похвастаться, он бы просто мог пригласить их... Приехали бы все.

– Приехали, – согласился Стас. Он сидел с закрытыми глазами на широком парапете, и видно было, что ему уже доводилось отдыхать на этом месте, в этой самой позе.

Но Софье все равно было неудобно на это смотреть...

...Приехали бы.

Они давно искали предлог для встречи. И Маргоша шерстила социальные сети, пытаясь добраться до Васьки или Стаса через общие воспоминания.

Стас заглядывал на ее страницу. Фотографии студенческих лет. Первый курс, первая сессия. Он за Маргошиной спиной, молодой, восхищенный... Она сама, яркая и самоуверенная, хотя пока еще бедная. Но платье из секонда на ней смотрится великолепно...

Никуша, тоже яркая, но иначе.

Толик, еще без залысин, хмурый, сосредоточенный, мыслями так и оставшийся в прошедшей сессии. Машка в розовом платье, коротком, на грани приличий... Артемка в кожаной жилетке, надетой на голое тело. Пашка с пакетом кренделей. Васька... Анна...

Она избегала фотографироваться. Потом умерла. Давно умерла. Стас вдруг удивился тому, сколько прошло лет. И что за эти годы он, оказывается, Анну не забыл. Помнит. И в ту фотографию вглядывался долго, до боли в глазах, до разноцветной пелены и головокружения. А потом подошел Васька и, коснувшись монитора пальцами, сказал:

– Она была красивой, правда?

Истинная.

Красивая. Нет, тогда Анна выглядела обыкновенной. Студентка-первокурсница, провинциалка в клетчатой бесформенной юбке, которую относилась весь первый год. Помнится, Маргоша высмеивала эту юбку. Ревновала? Завидовала?

Анна никогда не обижалась на смех, но лишь улыбалась так, извиняюще, мол, понимаю, что выгляжу глупо, однако таковы обстоятельства...

Она нашла подработку в кафе. Маргоша при каждой встрече не упускала случая этой самой работой Анну уколоть...

...Не она ли?

Нет, было изнасилование, а Маргоша при всей своей ненависти на это не способна...

– Мне тогда повезло, – Васька сел, потеснив Стаса. – Помнишь, задержали?

Пришли, вызвали с пар, увели. По университету лесным пожаром пронесся слух, что, дескать, Ваську арестовали за убийство Анны. Он же появился на квартире спустя сутки, грязный и злой. И на вопрос Стаса буркнул:

– Отпустили.

Алиби, ночная работа, и Васькино начальство, охотно подтвердившее, что с места своего Васька не отлучался, и напарники, и ночной капризный клиент, который жаждал убедиться, что с машиной его и вправду работают, а автомехаником Васька был гениальным.

Тот клиент наградил Ваську за старательность пятитысячной купюрой.

И алиби, что оказалось куда важнее.

Вечером Васька ушел в недельный запой, а когда вышел, то по молчаливой договоренности об Анне Стас не заговаривал.

Всего-то два десятка лет понадобилось, чтобы Васька сам вспомнил. А может статься, он никогда и не забывал?

– Его ведь так и не нашли, – сказал Васька, убирая пальцы от монитора. – Решили, что кто-то из тех, которые в кафе заглядывали... Анна приглянулась... отказалась... А она в тот вечер не работала. Мы встретиться должны были. Но был клиент... и мастер попросил остаться. Деньги хорошие обещал.

Тогда ни этот разговор, ни внезапный Васькин интерес к социальным сетям, прежде им презираемым, подозрений Стасу не внушили.

Да, бывает... мало ли...

А потом вдруг затея эта... и люди, которые случайные, но притом вовсе не случайны. Все с той самой фотографии... плюс Софья.

Он ведь знал, кого приглашает, не способен был не заметить сходства, пусть не явного, но... черты лица? И манеры? И голос... Особенно сейчас, в лиловых сумерках, в которых все плывет и кажется таким зыбким, ненастоящим.

Что Васька задумал?

– Идемте, – Стас соскочил с перил и потянулся. – Думаю, сегодня вам следует отдохнуть.

Чутье, до того Стаса не подводившее, подсказывало, что завтрашний день будет сложным. Он проводил Софью до порога ее комнаты и, повинаясь интуиции, попросил:

– Дверь закройте.

– Зачем? – удивилась она. – У вас тут призраки бродят?

Хорошая шутка.

– Случается, – Стас поклонился, испытывая преогромное желание схватить эту сероглазую мышку-бухгалтершу в охапку, сунуть в машину и увезти. Интуиция кричала, что выход этот будет наилучшим... Для кого?

– Спокойной ночи, – сказала мышка, закрывая дверь.

– Спокойной, – отозвался Стас.

Он спустился в курительную комнату, не сомневаясь, что Ваську обнаружит именно там. Партнер не курил, но утверждал, что в окружении коллекции курительных трубок чувствует себя джентльменом. Сейчас Васька сидел в кресле, держал в руках трубку, украшенную янтарем...

На коленях его устроилась Маргоша.

Хорошо так устроилась, руку через могучую Васькину шею перекинула, голову на грудь пристроила, не то дремлет, не то мурлыкает... Пальчики шевелятся, шею поглаживают.

– Брысь, – сказал Стас.

Маргоша, приоткрыв глаза, зевнула, но с места не сдвинулась.

– Нам поговорить надо, – Стас оценил и тонкое ее платье, и кружевное белье, которое не выглядывало, но скорее угадывалось под тканью. – Наедине.

– Иди, Маргошенька... – Васька одним движением стряхнул подругу с колен. – Нам и вправду поговорить надо. Решить кое-какие вопросы...

– Секретничать будете? – Маргоша встала и потянулась, демонстрируя фигуру, которая за годы ничуть не изменилась.

– Будем, Маргошенька, будем, – безо всякого пиетета к фигуре Стас выставил ее за дверь. И сам удивился, что бывшая любовь не вызывает никаких чувств, помимо раздражения. – Вась, ты нарочно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.